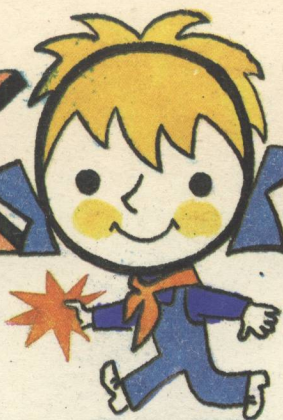

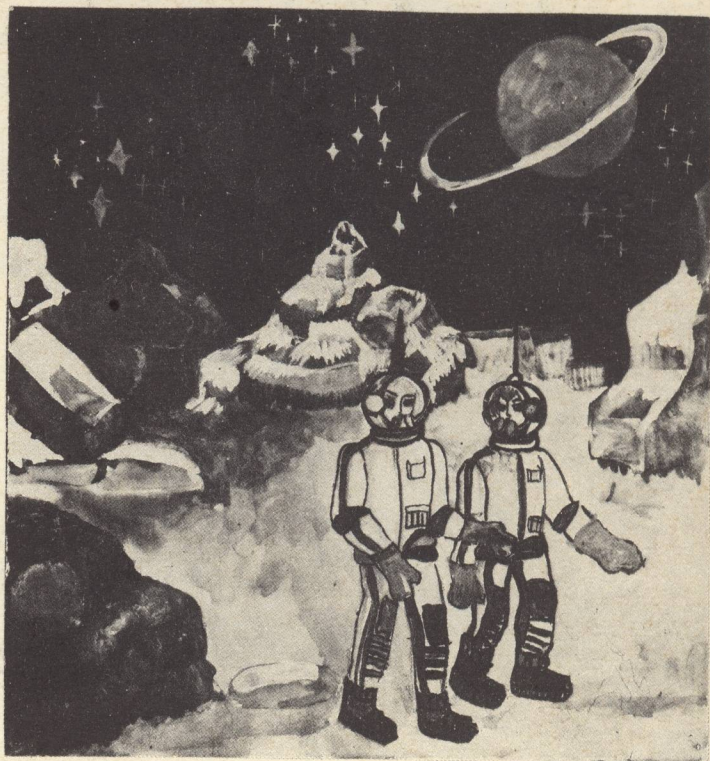
ISSN 0130 6375

ИСКРКА

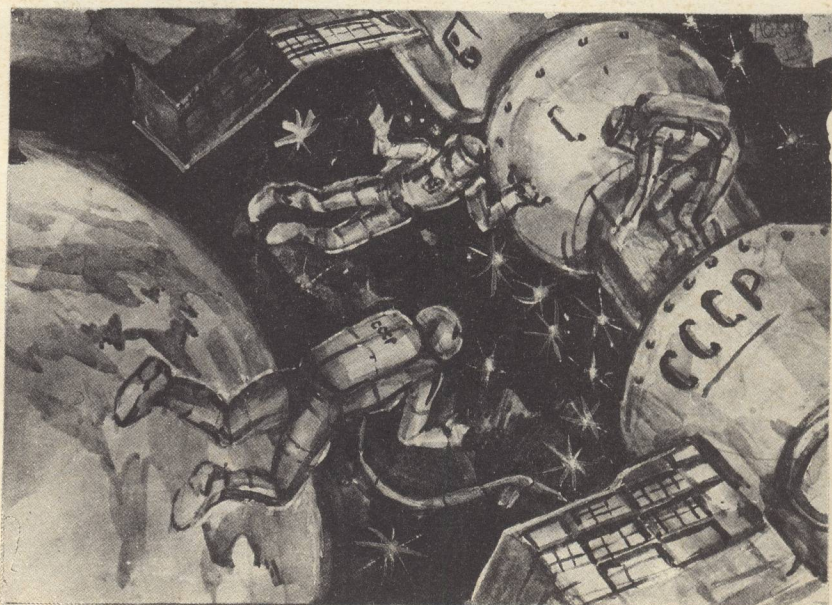
4 АПРЕЛЬ
1986

ДЕТИ
РИСУЮТ
МИР

„На далёкой планете.“ Скобелова Люба, 13 лет.

„Воткром космосе.“ Либурт Алексей, 12 лет.

ИСКРА

4 АПРЕЛЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК газеты
Ленинские
искры,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

А. ТОМИЛИН

«Жить нужно — с увлечением!»

К 25-летию полёта Ю. А. Гагарина

12 апреля 1961 года в девять часов шесть минут по московскому времени была объявлена минутная готовность.

— «Кедр!» Я — «Заря-один», — сказал в микрофон Королёв, — внимание. Минутная готовность...

— Вас понял, — ответил Гагарин, — минутная готовность.

И вот в напряжённой тишине бункера управления прозвучала команда руководителя пуском:

— Ключ на старт!..

— Есть ключ на старт! — Оператор у пульта вставляет заветный ключ в специальное гнездо и замыкает электрические цепи пульта. Вспыхивают транспаранты, контролирующие ход выполнения операций...

После того как нажата кнопка «пуск», включается автоматика. Теперь остановить запуск нельзя. Закрываются пневматические клапаны дренажных трубопроводов, ведущих к бакам горючего и окислителя; производится наддув топлив-

ных баков, чтобы поднять в них давление, и наконец...

— Зажигание!

— Есть зажигание!

— Подъём!..

Огненные струи ослепительными водопадами обрушиваются из двигателей. Развивается тяга. Вот она почти сравнялась со стартовым весом ракеты-носителя. Вот — стала больше...

— Поехали!..

Прочерчивая небосвод огненным росчерком, огромная ракета исчезает из вида.

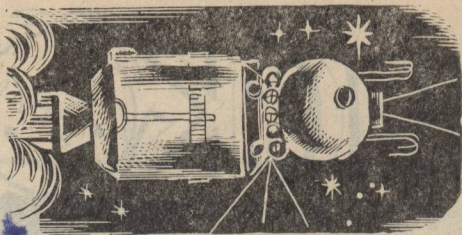
Запуск состоялся.

ОТ ПРОСТОГО К СЛОЖНОМУ

Всего год прошёл после окончания Великой Отечественной войны, когда было принято решение о создании в СССР баллистических ракет. Несмотря на трудности — народное хозяйство, подорванное войной, ещё восстанавливалось, — для новой отрасли выделили средства, нашли материальные ресурсы, а главное — людей.

Конечно, новая промышленность строилась не на пустом месте. У нас было немало конструкторских бюро и заводов, которые создавали ракетную технику для армии и для авиации. Но всё это были отдельные организации, подчинённые разным ведомствам. Для создания единой мощной отрасли их следовало объединить. И вот собрали руководителей конструкторских бюро, занимавшихся ракетной техникой, и был создан Совет Главных конструкторов. Во главе Совета встал Сергей Павлович Королёв.

Ещё не наступил 1957 год — «Год спутника», а в своём отчёте Королёв писал: «Принципиально возможно при посредстве ракетных летательных аппаратов осуществить полёты на неограниченные дальности, практически со сколь угодно большими скоростями движения, на

беспрельдно большие высоты. В настоящее время всё более близким и реальным кажется создание искусственного спутника Земли...»

Уже в первые послевоенные годы нашими конструкторами был разработан эскизный проект летательного аппарата. Это был проект баллистического полёта, оснащённого системой жизнеобеспечения для экипажа, управлением, а при возвращении — торможением и спуском на парашютах. Хороший, дельный проект. Но мечта об орбитальном, а не о баллистическом полёте не оставляла конструкторов. Настоящий орбитальный космический полёт давал гораздо больший простор и для внеземных исследований, и для дальнейшего движения вперёд в области новой техники.

Помогло создание в конструкторском бюро ГДЛ — ОКБ под руководством Валентина Петровича Глушко очень мощных жидкостных ракетных двигателей. Они были собраны в двухступенчатую ракету-носитель, состоящую из центрального блока (вторая ступень) и четырёх боковых (первая ступень), которая позволила 4 октября 1957 года вывести на орбиту первый в истории человечества искусственный спутник Земли.

Но для того чтобы вывести за пределы атмосферы корабль-спутник с человеком на борту, этого бы-

ло недостаточно. Две ступени обеспечивали выведение на орбиту примерно одной и трёх десятых тонны полезного груза. Стали думать об установке на ракете третьей ступени, двигатель для которой был разработан в отдельном конструкторском бюро Семёна Ариевича Косберга. Теперь вес полезного груза, который мог быть доставлен на орбиту, вырос до четырёх с половиной тонн, и можно было приниматься за пилотируемый корабль вплотную.

Создание пилотируемого корабля оказывалось задачей значительно более сложной, чем вывод на орбиту искусственного спутника. Пилоту нужно было обеспечить нормальное самочувствие, разогнанный до космической скорости корабль следовало затормозить, перевести на траекторию спуска и, вернув в атмосферу, посадить...

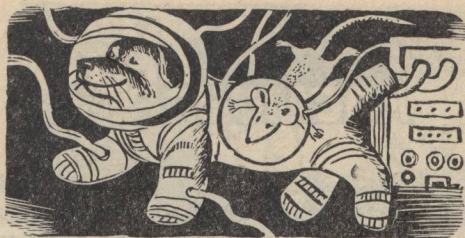
Но как затормозить и спустить с орбиты корабль, который движется со скоростью почти 29 тысяч километров в час? По всем данным науки, при входе в плотные слои атмосферы на передней части спускаемого аппарата должна возникнуть плазма с температурой до нескольких тысяч градусов. Что сделать, чтобы аппарат не сгорел, чтобы космонавт не «изжарился» в его кабине?..

Этой проблемой занимался ряд выдающихся советских учёных. Они нашли методы расчёта теплозащиты спускаемых аппаратов и показали, что теоретически создать её вполне возможно. А скоро и практики нашли подходящий материал для теплозащитного покрытия.

А какой выбрать способ приземления для космического корабля?

Много было предложений. Одни ратовали за крыло, другие предлагали устроить на кабине винты вроде вертолётных. Третьи... В 1958 году остановились на самом простом баллистическом спуске с посадкой на парашютах.

Надо сказать, что Сергей Павлович Королёв всегда делил слож-

ный вопрос на части-этапы и решал их, переходя от простого к сложному. И корабль решили делать состоящим из двух частей: из спускаемого аппарата со всем необходимым оборудованием для обеспечения жизнедеятельности космонавта, с приборами управления, связи и контроля и, естественно, с самим пилотом, — и из приборного отсека с аппаратурой, которая управляет кораблём во время его полёта по орбите.

А какую придать спускаемому аппарату форму?

Приборный отсек мог иметь любую форму, лишь бы она вписывалась в габариты обтекателя ракеты. Спускаемый же аппарат должен был обладать хорошей устойчивостью на спуске и нести на себе как можно меньший слой теплозащиты...

Сначала предложили конус, притупленный с вершины, потом простой конус, но летящий дном вперёд, чтобы увеличить сопротивление воздуха. Кто-то предлагал форму зонтика, цилиндра, полусферы...

И вдруг — а почему полусферы, а не сферы? Почему бы не взять простой шар? Его движение в атмосфере хорошо известно, он устойчив, и поверхность его, нуждающаяся в прикрытии теплозащитой, — минимальна...

Так спускаемый аппарат первых космических кораблей получил форму сферы.

Конечно, смелость и уверенность конструкторов в конечном успехе значили очень много. Но нельзя сбрасывать со счетов и известную долю риска. Прежде всего этот риск относился к будущему пилоту.

КАКИМ БЫТЬ КОСМОНАВТУ

Каким же должен быть первый космонавт Земли? Этого не знал никто. И потому сначала решили разработать медицинские требования к человеку, пригодному для космического полёта.

Из какой категории земных профессий выбирать?.. Наверное, из тех, что в своей работе наиболее часто сталкиваются с необычными ситуациями. Группа медиков рассмотрела данные работы специалистов различных профессий и остановилась на лётчиках. Сам С. П. Королёв подчёркивал, что будущего космонавта должны отличать собранность, дисциплинированность и непреклонное стремление к достижению поставленной цели.

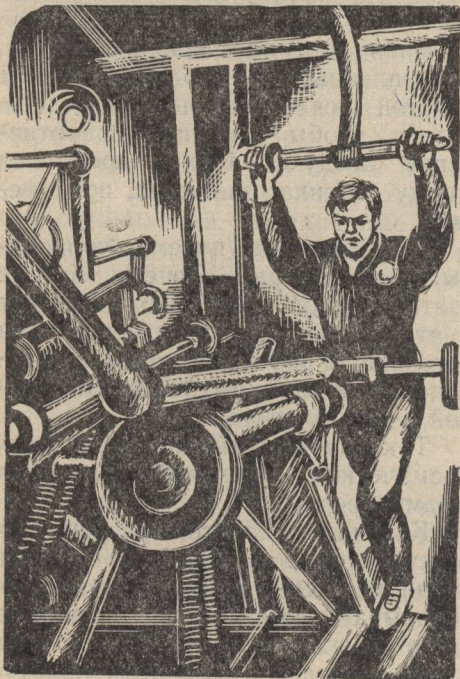
Из большого числа лётчиков-добровольцев, которых врачи обследовали на местах, в Москву приехали 150 человек. Их поместили в госпитале, и тут-то врачи взялись за них со всем пристрастием. После всесторонних и многократно повто-

рённых проверок остались 30 соискателей. А в состав слушателей-космонавтов зачислили 20 кандидатов. Был среди них и невысокий, подвижный, как ртуть, старший лейтенант с открытым улыбчивым лицом — Юрий Гагарин.

Казалось, что после всех испытаний, выпавших на долю двух десятков «железных парней», больше им уже ничто не должно быть страшно. Однако оказалось, что всё только начинается. Впереди их ждал огромный труд. Нужно было выработать в себе никому точно не известные качества специалиста совсем нового типа. Ведь и руководители, и наставники первых космонавтов тоже не знали, какими должны быть их питомцы. Учились все вместе и друг у друга.

Трудно было привыкать к бесконечным медико-биологическим «мероприятиям»: к «подъёмам» в барокамерах, когда в герметически закрытых кабинках вдруг начинало неудержимо падать давление воздуха, вызывая прилив крови к голове, нарушение координации движений и темноту в глазах. Ещё хуже были проверки в термокамере. Или нудное сидение в сурдокамерах — в «башнях тишины». Не вызывали энтузиазма и бесконечные тренировки вестибулярного аппарата на вращающемся в разных плоскостях кресле... Но что было делать врачам? Они тоже учились. И по тем ответам, которые давал организм на неприятное воздействие, составляли и корректировали всю медико-биологическую подготовку первых и программу для последующих...

Это было по-настоящему нелегко. И не все кандидаты даже из отобранной двадцатки выдержали и закончили обучение. Из 20 в космосе побывали лишь... 12.

ИСПЫТАНИЯ

Сегодня все, кто интересуется космонавтикой, знают, что перед

первым полётом человека в космос было пять испытательных запусков. Но каждый из них оказывался важнейшей ступенью, ведущей к пилотируемому полёту. Не все запуски оказались удачными...

Гасить часть скорости на орбите решили «контрракетой» — тормозной двигательной установкой с тягой, направленной против движения. Проектирование её поручили конструкторскому бюро, которым руководил Алексей Михайлович Исаев. Это было очень ответственное задание. ТДУ, так специалисты сокращённо называли тормозную двигательную установку, должна была иметь абсолютную надёжность. Ведь изменишь её тяга чуть-чуть, и место приземления изменится тотчас же. Причём неизвестно — как. И куда посылать тогда поисковые группы?..

Первый запуск был не очень удачным. Беспилотный корабль-спутник, после включения ТДУ, ушёл на нерасчётную орбиту.

Второй корабль, стартовавший 19 августа 1960 года с собачками Белкой и Стрелкой, с сорока мышами и двумя белыми крысами на борту, не считая целого роя насекомых, благополучно выполнил всю программу и вернулся на Землю.

Третий корабль-спутник в декабре 1960 года также благополучно вышел на орбиту, но, получив команду на спуск, пошёл к Земле по нерасчётной траектории и... сгорел в атмосфере.

Три месяца спустя в цехе сборки был готов новый корабль. Он существенно отличался от предыдущих и был копией будущего «Востока». В герметической кабине расположилось катапультируемое кресло. В нём разместился в защитном скафандре манекен, который все почему-то называли «Иваном Ивановичем». Вместе с ним в испытательный полёт отправились морские свинки, мыши, лягушки и собачка по имени Чернушка.

9 марта 1961 года утренний старт прошёл вполне благополучно. Полёт прошёл без каких бы то ни

было осложнений. И приземлившись после выполнения программы население «ковчега» вместе с «Иваном Ивановичем» чувствовало себя превосходно.

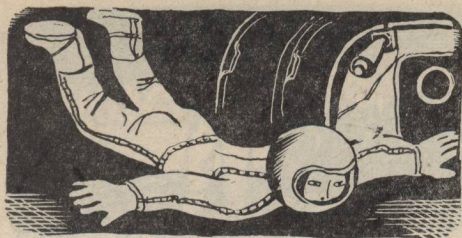
Для получения окончательной уверенности запуск повторили. И снова всё сработало, как говорят инженеры, штатно. Теперь всем стало ясно окончательно: следующий полёт — с человеком!..

НАКАНУНЕ ПОЛЁТА

5 апреля 1961 года гагаринская группа, возглавляемая первым руководителем подготовки космонавтов генералом Н. П. Каманиным, тремя самолётами Ил-14 вылетела на космодром. Здесь им предстояло во всех подробностях познакомиться со своим кораблём «Восток», обжить его и привыкнуть к своему рабочему месту. Конечно, они знали его конструкцию, были на заключительных запусках ракет, часто приходили в монтажно-испытательный корпус, примеряли скафандры... Но здесь, на месте запуска, всё приобретало совсем другую окраску.

6 апреля на космодроме состоялось расширенное совещание главных конструкторов всех систем ракет-носителей и корабля, всех служб космодрома и управления полётом. Специалисты доложили, что корабль «Восток» и его ракетаноситель к старту готовы.

7 апреля космонавты тренировались по ручному управлению кораблём, привыкали к своим позывным для радиосвязи.

8 апреля Государственная комиссия по запуску корабля «Восток» утвердила полётное задание Первому Космонавту, и генерал Каманин предложил утвердить командиром первого космического корабля Юрия Алексеевича Гагарина, а его дублёром — Германа Степановича Титова.

9 апреля у космонавтов был день отдыха.

10 апреля руководители запуска, полёта, члены Государственной комиссии встречались с кинооператорами и было официально объявлено о решении комиссии.

11 апреля ракету-носитель с кораблём «Восток» вывезли из здания монтажно-испытательного корпуса и поставили на стартовую позицию. Под руководством К. П. Феоктистова — в будущем тоже лётчика-космонавта — космонавты занимались отработкой действий на активном участке полёта. Вечером с ними беседовал С. П. Королёв.

В этот день Юрий Алексеевич Гагарин встречался со стартовой командой, благодарил всех специа-

листов за их нелёгкий труд ради науки и прогресса человечества. После чего он и Герман Степанович Титов были взяты врачами под наблюдение. Они переехали в небольшой домик, который по сей день стоит на космодроме и называется «домик Гагарина».

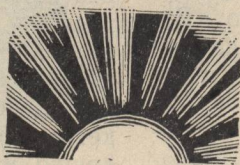
А потом наступило 12 апреля и состоялся тот исторический старт, который вывел человечество в космос.

«...Есть «слава» и Слава, — говорил потом, по возвращении, Юрий Алексеевич Гагарин. — И та, которую хочется писать с большой буквы, никогда не была и не будет только твоей. Она прежде всего принадлежит тому строю, тому народу, что воспитали и вскормили тебя. И от неё не кружится голова. Эта слава заставляет быть требовательным и к себе, она трудна, но надёжна».

Великим Инженером был Сергей Павлович Королёв, но также и Великим Мечтателем, человеком, одержимым делом, всецело преданным своей работе. «Жить просто — нельзя! — говорил он в кругу коллег, молодых конструкторов. — Жить нужно — с увлечением!»

Рис. Л. Коломейцевой

ЗДРАВСТВУЙ, БЕТА!

Над головой показался голубовато-зелёный просвет. Тюменев поднял маску, вдохнул и, убедившись в том, что воздух доброкачественный, снял её. Архимед и Савич, следуя его примеру, также сняли кислородные маски.

— Хорошо дышится, Архимед!

Архимед уже поднялся на верхнюю площадку и сообщил Тюменеву:

— Парашют выполнил своё назначение прекрасно. Он лежит на воде, но почему-то не тонет и даже совершенно сух. От водяной планетки, конечно, не осталось и следа. Она испарилась, а рыбы сгорели. Гидростат погружён почти до верхней надстройки и немного наклонён. Поверхность воды совсем близка.

— Можешь достать рукой? — спросил Тюменев.

— Попробую, — ответил Архимед. — Странно. Возле самой стенки гидростата я вижу какие-то наплывы. Словно застывшая вода...

Окончание. Начало в «Искорке» № 1, 2, 3.

— Ну, что же дальше? Что там ещё? — нетерпеливо спросил Тюменев.

— Странно! Море на Бете липкое, как столярный клей, твёрдое и косматое.

Тюменев, а за ним и Савич поднялись на верхнюю площадку гидростата.

— Смотрите! Смотрите! В небе дырка!

Подняв глаза, Тюменев увидел, что в небе, как раз над их головой, действительно имеется круглое отверстие.

— Края дыры рваные, а с бахромы спускаются какие-то нити, — сказал Савич.

Они помолчали в раздумье. Вдруг Архимед воскликнул:

— Хорошо, что я был осторожен и попробовал «застывшую воду» не рукою, а концом железного прута от поручней. Прут этот теперь и не вытащишь, прямо спаялся с «волной».

— Гм, да, клей. Крепчайший клей. Вот именно.

— А дальше, смотрите, вся поверхность «моря» покрыта какими-то длинными волосами или травой.

— Итак, мы, по-видимому, попали не в воду, а на поверхность степи со странной растительностью. Почва здесь, наверно, глинистая, глина и смягчила удар лучше, чем это могла бы сделать вода. Я же говорил вам, что вода мягка только до тех пор, пока вы с силою о неё не ударитесь. Лётчики хорошо это знают, — правоучительно сказал Тюменев, поворачиваясь к Савичу.

— Вовсе не в глину мы упали, а в какую-то смолу, может быть, от тех сосновых досок, о которых вы говорили, — не уступал Савич.

— Клей — непонятная случайность. Кстати, о клее. «Волосы» не клейки, Архимед?

— Нет. Но имеют зубчики. Ими можно порезаться, как осокой. — Архимед схватил «волосок», притянул к гидростату и отпустил. «Волосок» отклонился назад, как пружина.

— Действительно, этот «волосок» не похож на китовый ус. Но сходим

на землю. Гоп! — Тюменев прыгнул с мостика через наплыв, но каблук левая ботинка попал в клей и тотчас приклеился. Архимед и Савич прыгнули на землю более удачно и, ухватив профессора за руки, начали тянуть изо всей силы, как «дедка репку».

— Стойте! Вы меня оторвёте, а нога останется в клее, — взмолился Тюменев. Но осталась в клее не нога, а каблук. Он щёлкнул и оторвался.

— Идём осматривать наши новые владения! — воскликнул Тюменев и зашагал по необъятной прерии, густо утыканной «хлыстами».

Почва медленно поднималась и опускалась.

— Здесь, кажется, существует хроническое землетрясение, — сказал Савич, едва поспевая за Тюменевым.

Через полчаса быстрой ходьбы путники подошли к тому краю, который казался горизонтом с тёмной каймою над ним, если смотреть на него, стоя возле гидростата. Тюменев смотрел вверх, вниз, вдаль. Он видел неизмеримо большие полотнища, уходящие в одну сторону и «этажами» нависающие одно над другим. На расстоянии сотни метров виднелся заострённый конец ещё одного такого же полотнища. Все они медленно колебались.

— Ну-с, друзья мои, надеюсь, вы поняли, куда мы попали?

— На планету Бета, если не ошибаюсь? — спросил Савич.

— И эта планета, кажется, вся состоит из каких-то оболочек, как кочан капусты, — с улыбкой добавил Архимед.

— Вот именно, как кочан капусты, — согласился Тюменев.

— Мы упали не в море и не в степь, а на вершину леса, — сказал Архимед.

— Пожалуй, что так. — Тюменев рассмеялся. — И выходит, что мы стоим на листе. Ну, что же, это хорошо всё объясняет. Во-первых, — и он загнул палец на левой руке, — вот почему мы ощутили ряд ударов при посадке? Потому что эти гигантские листья упруги и чрезвычайно эластичны. Мы пробили гидростатом

несколько листьев и, кажется, в пятом застряли. Вот откуда, — Тюменев продолжал загибать пальцы, — «дыра в небе». Застывшая волна, наплыв «клея» — это, очевидно, сок растения. Того же происхождения и нити, свисающие с «неба» по краям дыры.

— А «волосы» — ворсинки на поверхности листа? — спросил Архимед.

— Ну, конечно. Вот именно. И если подумать, всё это совсем уж не так необычайно. Ведь и у нас в океанах растут гигантские водоросли. Здесь же такие ламинарии, но ещё больших размеров, растут на поверхности. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что атмосфера на Бете плотнее земной, а тяжесть значительно меньшая, влажность и температура выше. Разные условия создали и иной растительный мир.

— Да, но нам нужно будет так или иначе сбросить вниз гидростат, — заметил Архимед. — Ведь в нём находятся запасы пищи. Известно, что мы найдём на планете и чем будем здесь питаться.

— Но ведь если мы не найдём на вашей планете ничего съедобного, то... — Савич не успел договорить, Тюменев перебил его:

— То мы умрём с голоду. Вот именно. Кто о чём, а Савич о семидесяти семи смертях, отовсюду нам угрожающих.

— И как же мы сойдём вниз? — не унимался Савич. — Не станем же мы прыгать, как кузнечики, с листа на лист, хотя мы здесь и меньше весим, чем на Земле.

— Стойте! Смотрите! Это что ещё такое?

Все оглянулись и застыли от удивления.

Яркий изумрудный свет заливал «прерию». Она тихо покачивалась. Через коричневый ковёр протянулась цепочка. Каждое звено этой цепочки было похоже на большую жемчужину, отливающую матовым червонным золотом. Все эти «жемчужины» пересекали коричневую

прерию, направляясь из теневой стороны к ярко освещённой.

Молчание длилось несколько минут.

— Они движутся. Наверно, насекомые. Живые существа! — тихо и взволнованно сказал Тюменев.

НА ЛИСТЕ-САМОЛЁТЕ

Совместно выработали план работ. Он был таков: освободить гидростат, плотно вклеившийся в пробойну гигантского листа, сбросить вниз и опуститься самим.

Работа была трудная и опасная. Работали ручной пилой, топором и киркою. На очистку инструментов от клея уходило больше времени, чем на саму работу. Несмотря на всю осторожность, костюмы и руки у всех были перепачканы клеем. Но и после многих часов работы гидростат находился на старом месте.

Во время этой работы удалось сделать интересное открытие. Мясистый лист имел в толщину восемьдесят сантиметров. Несмотря на то, что на Бете все тела весили меньше, чем на Земле, трудно было понять, каким образом эти гигантские толстые, широкие и длинные листья держатся на воздухе. Их стволы, или черешки, находились где-то вдали, и, конечно, черешок не мог поддержать лист, имеющий около километра ширины и несколько километров длины. И вот оказалось — внут-

ри мясистой массы листа находится множество мешков, или, вернее, пузырей, наполненных газом.

— Удивительный пример приспособления, — сказал Тюменев.

— Да, занятно. Каждый лист — своего рода ковёр-самолёт, — заметил Архимед.

Когда, отдохнув, явились к месту работы, с огорчением увидели, что их труды пропали даром: наплывший сок целиком заполнил пробуренное возле гидростата отверстие.

— Профессор, мне пришла в голову мысль и, кажется, неплохая, — вдруг воскликнул Савич. — Я думаю, нам нужно изменить план наших работ. Нам надо найти черешок, которым наш лист прикрепляется к стеблю, и перерубить его — это легче и скорее, чем вырубить из листа гидростат, — и затем... затем пусть наш лист летит по воле ветра. Ветра здесь достаточно. Нас вынесет из леса на открытое место.

— Гм... гм... А ведь верно. Молодец Савич. Только позвольте, а как же мы будем опускаться, когда найдём нужным это сделать?

— Опускаться?.. — Савич смутился. — Можно будет... понемногу отрезать от листа... Количество газовых пузырей уменьшится...

— Но одновременно уменьшится и вес нашего листа-самолёта, — возразил Тюменев, — а при его огромных размерах, нам, пожалуй, при-

дётся работать слишком долго, прежде чем...

— Ну тогда мы сделаем вот что, — перебил Тюменева Архимед. — Тогда мы начнём протыкать наш лист-самолёт железными прутьями от поручней. Газ будет вылетать из образовавшихся отверстий...

— Грузоподъёмная сила листа-самолёта будет уменьшаться, и мы опустимся. Правильно! — заключил Тюменев.

Все принялись за новую работу. В поисках черешка и стебля идти пришлось далеко. Не обошлось и без «приключений». Архимед наступил ногою на жидкий сок, поскользнулся и упал с листа, увлекая за собой нити сока. Хорошо, что сок этот застывал чрезвычайно быстро, и Архимед оказался висающим между двумя листьями, как паук на паутине. Ему пришлось повисеть, пока «паутина» совсем перестала быть липкой. Тогда Тюменев и Савич втащили его на лист. Когда прорезавшийся голубой солнечный луч нагревал лист, «самолёт» поднимался к верхнему листу, и путникам угрожала участь быть стёртыми между двумя листьями, как зерну между жерновами. Они спешили укрыться в гидростате. Когда же лист вливался в очень густую тень, газ, заключённый в листе, сжимался, и лист опускался, гидростат начинал скрестить днищем по поверхности нижележащего листа, как пароход на мелководье. Иногда лист зацеплялся за другие листья. Приходилось освобождать его, отталкиваясь.

Только поздно вечером, в густые синие сумерки, лист-самолёт покинул пределы бесконечного леса. Тюменев с нетерпением ожидал увидеть открытое небо, но его постигло разочарование. Откуда-то появились тучи и покрыли собою всё небо. Стало почти темно и довольно прохладно. Неожиданно начался ливень. Лёгкий толчок известил о том, что намокший и охлаждённый лист коснулся почвы.

— Вот только когда мы наконец спустились на планету по-настоящему! — воскликнул Тюменев. — Ну,

ещё раз здравствуй, Бета! Поздравляю вас, товарищи, с благополучным прибытием. Благодарю вас, капитан Савич, самый опытный аэронавт не сделал бы лучшей посадки.

Савич не знал, обидеться ему или рассмеяться, но Тюменев не дал ему говорить.

— Банкеты устраивать некогда. Если мы сейчас же не освободим гидростат от листа, нас опять, как только потеплеет, поднимет на воздух и унесёт. Кончим эту работу, сообщим по радио на Землю последний отчёт, и тогда спать, спать.

Савич и Архимед, падая от усталости, что-то рубили и поднимали, тянули, перекладывали и, наконец, свалились на койку и тотчас уснули. А Тюменев ещё ворочался некоторое время. Он думал о том, не являются ли необычайные листья каучуконосами. Их сок напоминал каучук... Вот бы... такие растения на Землю...

С этими мыслями он и уснул.

КАЛЕЙДОСКОП

Тюменев проснулся внезапно, словно его кто в бок ударил: засыпая, он внушил себе спать не более трёх часов. Нельзя же проспать всю ночь и не увидеть звёзд! Ночным небом нужно дорожить, тем более что Бета, проходя свой путь по орбите, скоро окажется между двумя солнцами, и тогда на четверть года прощай, ночное небо. Днём Бета будет освещаться Голубым солнцем, а ночью поворачиваться к Красному. Но эта «красная ночь» будет ярче голубого дня.

Тюменев ощую добрался до трапа. Гидростат лежал на боку, и по трапу пришлось лезть на четвереньках. Вот и пролом. Астроном вышел наружу.

В лицо ему пахнул свежий ночной воздух, наполненный крепчайшим запахом сена и неведомых горько-сладковатых ароматов. Тюменев взглянул на небо и вскрикнул, как человек, который увидел лицо друга после долгой разлуки: сначала удивился, как оно изменилось, по-

том, взглядевшись, начал находить старые, знакомые черты.

Всё небо светилось, словно изумруд. В южной части оно было темнее и синее, в северной — чуть-чуть окрашено в розовый цвет. Высоко в небе стояла фиолетовая луна. Из-за горизонта всплывал огромный месяц. Верхний конец рога был тускло-красный, как раскалённое, но уже остывающее железо, нижний — синезеленоватый. Созвездия были как будто те же и не те. Одни словно растянулись, другие сжались, и все немного сдвинулись со своих мест.

Старый астроном смотрел, не мог наглядеться и не заметил, как наступило утро. Побледнело небо, выплели звёзды, померк месяц. На востоке небо налилось ярким голубым светом, и вдруг из-за горизонта поднялось ослепительное сапфировое солнце.

Тюменев посмотрел на свои руки, на гидростат, — всё было голубое, а тени лиловые. Но вдруг к голубому цвету начал примешиваться розовый, затем красный. Небосклон начал принимать фиолетовый оттенок. Из-за горизонта показалось второе солнце — Красное. От смешения голубых и красных лучей этих солнц и получался фиолетовый оттенок неба.

— Изумительно! Прекрасно! Бесподобно! — восхищался Тюменев.

Жмурясь от необычного света, к

Тюменеву подошли Архимед и Савич.

— Это что такое? — воскликнул Архимед. — Как это понять? Глядите, дядюшка. Два солнца светят и всю греют, жара тропическая, а наш лист-самолёт и не думает взлетать? Почему?

— Потому что он вянет. И сеном прелым от него пахнет — чувствуете? Я думаю, что и вчера мы опустились совсем не оттого, что лист намок и охладился, а потому, что он начал вянуть. Вот, я думаю, и весь секрет.

— Простите меня, дядюшка, но сегодня я не склонен к научным анализам. Мне хочется просто любоваться красотами здешней природы. Вы, дядюшка, с одной стороны сапфировый, а с другой — рубиновый. У Савича, смотрите, фиолетовые руки.

— Изумительно!

— Наши тени, заметьте, двойные: одна фиолетовая, другая зеленая. А поглядите на этот лес гигантских «водорослей». Странно, вчера его листья и наш лист-самолёт казались мне бурыми, а сегодня они тёмно-вишнёвые.

— Кроме нашего умирающего листа. Он стал тёмно-синим. Как быстро идёт здесь процесс гниения.

— Помнится, вчера мы опустились на ровном месте, на пустой поляне, где не было ни травинки, а

сейчас мы находимся среди цветов,— сказал Савич.— Неужели они выросли за одну ночь? А ведь каждый цветок больше меня ростом. И какие вычурные формы, какие яркие цвета.

— Ну вот, теперь вы сами восхищаетесь, а всю дорогу ныли,— проворчал Тюменев.

— Я и сейчас предпочёл бы этой роскоши наш скромный ландыш,— ответил Савич и, вздохнув, прибавил: — От всей этой пестроты красок и яркости света у меня в глазах рябит и голова кружится.

— Смотри, Архимед, полюбуйся на ошибку Аркусова,— прервал Савича Тюменев, показывая на горизонт.— А снег-то на Бете всё-таки есть. Хотя вершины и не белые, а бледно-фиолетовые, но блестят, как снег. То есть снег-то, наверно, белый, но освещён двойным солнцем и кажется фиолетовым. Сколько оттенков...

— Да, вижу. Но обратите внимание, дядюшка, ваш снег лежит не только на вершинах гор... если только это снег, в чём я очень сомневаюсь. Уж слишком ярко блестит. Да и не может быть снега у подошвы горы.

— Но если не снег, то что же? Архимед пожал плечами и ответил:

— Не знаю. Я предпочёл бы, чтобы они были сахарные или мучные. У нас осталось совсем мало продуктов.

— Да, неплохо было бы поймать пару хороших налимов или подстрелить пару уток,— сказал Савич.— Но, к сожалению, Бета не очень гостеприимная хозяйка.

— Попросту она не имеет этих вкусных вещей,— заступился за Бету Тюменев.

— Или же скрывает их,— заметил Архимед.

— Ну, может быть, растительный мир будет к нам добрее.— И Тюменев показал рукою на заросли цветов.

— Я сейчас пойду, поищу в этом лесу цветов,— вызвался Савич, но не успел он отойти на несколько ша-

гов, как исчез из виду, словно провалился.

Тюменев и Архимед окликнули его. Савич отозвался,— его спокойный голос звучал совсем близко, но самого не было видно.

— Что с вами, Савич? Где вы? — крикнул Архимед.

— В чём дело? — в свою очередь крикнул Савич.— Всё в порядке.

— Что за ерунда! — воскликнул Тюменев.— Ты его видишь, Архимед?

— Вижу. Это великолепный оптический обман!

И вот они увидели Савича оба: тот словно состоял из четырёх ног. Одна пара ног как будто шла по земле, а другая, поставленная на туловище подошвами вверх, повторяла эти движения в воздухе, как отражённая в зеркале. Вслед за удивлённым криком Тюменева ноги повернулись и пошли назад. Послышался голос Савича:

— Да в чём же, наконец, дело, товарищи? Куда теперь вы пропали?.. — А ещё через несколько секунд он воскликнул: — Я вижу ваши ноги... Много ног... словно вы стали на голову... А теперь совсем ничего не вижу.

Архимед и Тюменев в свою очередь перестали видеть изображение ног Савича. Но через несколько минут он сам предстал перед Тюменевым и Архимедом.

Тюменев подошёл к Савичу, ощущал его и сказал:

— На этой пальной планете глазам нельзя верить. Вот теперь я знаю, что это живой Савич, с головой, руками и ногами, а не оптический обман.

— Я видел вас, как, наверное, рыбы «видят» человека из-под воды. Погружённого наполовину,— сказал Савич.

— И мы вас видели в этом же роде,— ответил Тюменев.

— Но я видел и ещё более удивительные вещи,— продолжал Савич.— Я подошёл к одному цветку и, к удивлению, заметил, что он удаляется от меня, подошёл к другому — та же история. А когда я до-

шёл до холма, он был пуст. Ни одного цветка не росло на нём, и я даже не заметил, куда они девались.

— Вот как! — забеспокоился Тюменев. — Цветы, говорите, сбежали, исчезли, а холм остался? Это уже не только оптика. Тут что-то другое. Быть может, маскировка? А? Представьте себе, что любопытствующие жители Беты подходили к нам, замаскировавшись цветами. Как вам это нравится? Или, быть может, здешние живые существа обладают способностью к необычайной мимикрии? Трансформации... Как они исчезли, объяснить проще: оптика, свойства атмосферы... Миражи, тайны, непонятные вещи на каждом шагу. И надо много времени, чтобы раскрыть все эти тайны.

— Тайны и неведомые опасности, — сказал Савич. — Здесь можно потеряться и заблудиться в двух шагах друг от друга. За каждым цветком, быть может, здесь скрывается страшное чудовище, готовое растерзать нас...

— Трус вы несчастный. Нытик. Вот именно! — необычайно резко прикрикнул на Савича Тюменев. — Только о драгоценной персоне своей и думаете.

Савич замолчал. Тюменев засопел носом, нахмурился, потом, махнув рукой, заговорил своим обычным сердито-добродушным голосом:

— Ну, простите старика-ворчуна, не обижайтесь. Погорячился. Вот именно. Нехорошо вышло. Грубо. Нервы расходились. И этот приторный запах раздражает.

ГЛАВА С ПЛОХИМ НАЧАЛОМ И ХОРОШИМ КОНЦОМ

Тюменев сосредоточенно налаживал двустороннюю радиосвязь с Землёю. Все последние дни радиостанция работала неисправно. «Ионосфера» Беты вообще была капризна, и устанавливать связь с Аркусовым удавалось только урывками. Аппарат свистел, трещал, завывал. Иногда неожиданно слышалась отрывоч-

ная фраза. Кто-то где-то с кем-то разговаривает. Иногда доносился сигнал бедствия.

Тюменев тяжело вздохнул. Он сам сейчас нуждался в помощи, но не посылал в эфир сигналов бедствия: ему никто не мог прийти на помощь...

— Наконец-то! — воскликнул старый профессор, услышав знакомый голос Аркусова. — Здравствуй, дорогой мой Аркусов. Почему последнее время вы говорите на волне другой длины? Разве абстуманийская станция изменила старой волне?

— Об этом вы скоро узнаете, Иван Иванович, — ответил Аркусов.

— У меня есть к вам тысяча вопросов, Аркусов, но боюсь, что наша радиосвязь опять прервётся, а мне нужно сообщить вам о многих важных и о многих, увы, печальных вещах... Аркусов, я совершил очень нехороший, несправедливый поступок, и это угнетает меня... Здесь невесёлые дела. Но об этом позже... Сегодня я бессвязно говорю, нервы не в полном порядке, а правильной сказать, в полном беспорядке...

Я уже сообщал вам, что атмосфера здесь пересыщена электричеством. Бывают часы, когда тут всё трещит, к чему ни притронешься, когда огоньки танцуют на каждом листе, на острие каждой травинки и с кончика собственного носа летят искры... Раздражают пряные, острые запахи цветов и гниющих растений, раздражает фантазмагория оптических миражей, но больше всего действует на нервы здешнее освещение, хотя оно и волшебное красиво...

Между прочим, мы были свидетелями... Алло! Алло! Опять оборвалось. Вот ерунда! Алло! Вы слышите, Аркусов? Так, так... Продолжаю. Нам удалось наблюдать интереснейшее явление — «затмение солнца солнцем». Наше сапфировое солнце закрыло собою Красное... Но Савич был прав: все краски здесь очень резки, всё слишком ярко, грубо, театральное.словно двумя цветными прожекторами освещают пышную декорацию.

Мы сделали много первоклассных и даже сенсационных астрономических открытий, о них вы знаете. Но планету Бета мы изучили, к сожалению, очень мало. Почему? Сейчас объясню.

Мы нашли здесь воду, но не нашли пищи: за всё время мы не встретили ни одного существа, похожего на птицу или животное, не нашли питательных веществ и среди растений. Ходить далеко на разведки мы опасались: здесь в пяти метрах расстояния можно потерять друг друга из виду при кажущейся полной прозрачности атмосферы. Волей-неволей приходилось находиться вблизи гидростата с его запасами пищи...

Я уверен, что здесь есть и питательные растения, и многочисленные животные, рыбы, быть может, есть и высшие разумные существа, но мы не видим их. Они, возможно, хорошо укрываются от нас, пользуясь необычайными оптическими свойствами здешней атмосферы и, вероятно, не менее необычайными способами маскировки. Ведь иногда мы ясно слышали шорох подкрадывающихся шагов, слышали ритмические шумы тяжёлого дыхания, но никого не видели.

Как много можно было бы сделать интереснейших открытий, если бы наша экспедиция была лучше снабжена всем необходимым для подобного рода исследований! Но вы знаете, что сделать это было невозможно. Жаль, очень жаль, что на этом приходится заканчивать нашу работу...

— То есть как это заканчивать, Иван Иванович? — спросил Аркусов. — Ведь вы же с Архимедом и Савичем продолжаете и будете продолжать ваши наблюдения?

Тюменев тяжело вздохнул и сказал:

— Увы, всему приходит конец, Аркусов. Сначала я потерял Савича, и эта потеря особенно огорчает меня, потому что я... я был очень несправедлив к нему... Бедный Савич! Я считал его малодушным человеком, паникёром, трусом, а между

тем, в нём была душа героя. Вот именно. Он был только слишком впечатлительным и не умел или не хотел, по правдивости своей натуры, скрывать свои настроения и ощущения. И я, наверное, и Архимед, во время путешествия не раз трепетали за свою жизнь и в глубине души праздновали труса. Но только мы об этом молчали, а Савич откровенно говорил. И как это нехорошо вышло. Я грубо назвал его трусом, чуть ли не шкурником, а он... слушайте, что сделал этот человек, охавший и стонавший всю дорогу...

Однажды мы подсчитали запасы своих продуктов и пришли к очень неутешительным выводам: если даже мы убавим суточный рацион наполовину, то нам хватит не более, чем на двадцать дней. А дальше? Что будет дальше, всем нам было ясно. Вечер прошёл невесело, и мы молча разошлись по своим койкам.

А проснувшись на другой день рано утром, мы с Архимедом обнаружили исчезновение Савича. На его койке лежала записка. Вот её содержание:

«Дорогой профессор! Ваша жизнь дороже моей, и я решил уйти, оставив вам свой паёк. Савич».

Вот и всё. Савич был достойным сыном нашей великой родины. Он ушёл и, конечно, погиб. Боюсь, что вслед за ним погиб и Архимед. Он категорически отказался разделить со мною паёк.

— Пойду настреляю вальдшнепов на обед. — И вышел с ружьём, напевая песенку. Я понял всё и бросился за ним, но он уже словно растаял в воздухе.

Рискуя заблудиться, я бросился в том направлении, куда ушёл Архимед, но заблудился в самом деле и только к вечеру совершенно случайно набрёл на наш гидростат.

— На этом и кончается печальная повесть, — закончил Тюменев. — Друзья и помощники погибли, я остался один на далёкой планете. Это тяжело, Аркусов, но надо быть мужчиной. У меня осталось пищи на три-четыре дня. Постараюсь эти последние дни использовать наилуч-

шим образом для научных наблюдений...

— Когда мы с вами увидимся, вы мне лично доскажете остальное, — услышал Тюменев голос Аркусова.

— Плохие это шутки, Аркусов, — ответил Тюменев. — Всё шутите...

— Я вам скоро докажу, что и Аркусов может говорить серьёзно, — возразил Аркусов. — Пусть ваша радиостанция посылает в мировое пространство непрерывные сигналы!

— Что вы там ещё выдумали, Аркусов? — недоверчиво спросил Тюменев, однако наладил автоматическую радиостанцию и вышел из гидростата.

Красное солнце ещё не всходило, Голубое заливало небо и Бету ярчайшими сапфировыми лучами. «Театральная декорация с театральным освещением», — подумал Тюменев и вдруг увидел на небе тёмную точку, которая быстро увеличивалась в размерах.

— Гм, гм... совершенно непонятный феномен, — пробормотал он, с любопытством наблюдая, как тёмная точка пересекла рубиновый месяц на фиолетовом небе.

Дальше произошло необыкновенное.

Точка разрослась до огромных размеров, наполнила воздух шумом, гулом, свистом и опустилась недалеко от гидростата. После этого шум ещё долго не утихал и даже усиливался.

И вдруг... — или Тюменеву пригрезилось? — он услышал голос Аркусова, зовущий его:

— Иван Иванович! Иван Иванович! Откликнитесь!

— Что за ерунда? Бред? Галлюцинация?

Но голос Аркусова раздавался совершенно отчётливо и совсем близко.

— Это вы, Аркусов, зовёте меня? — откликнулся наконец Тюменев.

И вдруг увидел перед собой Аркусова.

Аркусов так крепко обнял старого астронома, что тот едва не задохнулся.

ЭПИЛОГ

— Неужели это мне не пригрелось? А? Аркусов! Может быть, вы оптический обман, галлюцинация расстроенного воображения... Нет, как будто настоящий... Но каким чудом?

— Не чудом, Иван Иванович, а, так сказать, на законном основании... Ах, дорогой мой профессор! Вы не можете себе представить, как меня мучила совесть из-за того, что я смалодушничал и отказался лететь с вами. И потом я не мог примириться с тем, что вы навсегда покинули нашу Землю... Елена Гавриловна все глаза проплакала, она скоро поняла, а может быть, и с самого начала догадывалась, что вы отравились в такую экспедицию, из которой не возвращаются. Но всё-таки она у вас молодец. Слёзы кажутся, но ни одной жалобы. «Так было надо!» — говорит.

Ну, вот. Все-все на Земле заволновались, даже пионеры писали статьи о том, чтобы организовать специальную экспедицию для того, чтобы спасти профессора Тюменева и привезти его спутников с Беты обратно на Землю. Я поехал в Москву по этому делу и там узнал, что правительство готовит эту экспедицию.

— Какая экспедиция? На чём вы летели?

— Всё расскажу, Иван Иванович. Тут вам повезло. Вскоре после вашего отлёта случилось у нас на Земле событие необычайной важности, хотя о нём долго никто не знал. Помните молодого учёного Синицына, он к нам в Абастумани отдыхать приезжал и рассказывал о своей новой электронной пушке? Так вот, этому Синицыну удалось-таки овладеть атомной энергией.

— Это колоссальный переворот!

— Да, Иван Иванович! Земли не узнаете. Вся техника вверх дном перевернута. Мощные «Днепрогэсы», можно сказать, в жилетном кармане. Тысячесильные карликового размера двигатели. Поезда небывалой длины, грузоподъёмности и быстроты... Одним словом, могущество че-

ловека сделалось почти беспредельным. Стали возможными и межпланетные путешествия. Да ещё с какой скоростью!

Я ведь уже давно говорил с вами не с Земли, а с ракеты во время полёта. Вот почему я просил вас передавать радиосигналы. У нас такие аппараты, что по этим сигналам мы точнеем образом спустились на месте вашего здешнего жительства. Капитан даже опасался, как бы не сесть вам на голову.

— Так покажите же скорее вашу ракету! — нетерпеливо воскликнул Тюменев. — Вот уж, поистине, неожиданность!

— Видите, Иван Иванович, какие дела, а вы говорите... Признайтесь, что, наверное, по старой памяти болтуном называли меня. Ну, идёте! У нас на ракете и людей много, и запасов пищи, и инструментов. Если Савич и Архимед ещё живы, мы разыщем их во что бы то ни стало.

— Если бы были живы! — вздохнул Тюменев.

— А почему бы и нет? Разве вы сами не допускали возможности, что на Бете могут быть питательные вещества растительного и животного происхождения, только вам не удавалось найти их, так ведь вы почти никуда и не ходили. Теперь мы планету обшарим, во все уголки заглянем, все её тайны и секреты откроем.

И Аркусов, обняв Тюменева, воскликнул:

— Дорогой мой профессор! Как же я рад вас видеть!

— Ну, ну, опять давить будешь, — ворчал Тюменев, незаметно для себя переходя на ты. — И так уже все соки из меня выжал. Вот именно! Видишь? — и Тюменев смахнул с ресницы слезу.

...С того дня прошло немало времени, но каждый год 6 мая — день возвращения на Землю — по установившемуся обычаю в Абастумани собирались профессор Тюменев, Архимед, Савич и многочисленные члены спасательной экспедиции во главе с Аркусовым.

За большим чайным столом председательствовала Елена Гавриловна. Счастье молодило её.

Начинались бесконечные воспоминания. Гости и научные сотрудники обсерватории с интересом слушали рассказы Архимеда и Савича об их приключениях на Бете и о том, как им удалось сохранить жизнь.

Архимеда не очень-то легко было упротить рассказывать о своих приключениях, зато Савич охотно и подробно описывал свои приключения.

...— И вдруг, можете себе представить, орхидея подвинулась ко мне и уже раскрыла замысловато скрученные сине-зелёные с золотистыми крапинками лепестки, с явным намерением схватить меня этими лепестками. Но я, конечно, не растерялся...— с воодушевлением говорил Савич, размахивая для большей картинности руками.

Девушки смотрели на него с восхищением.

А Тюменев слушал и добродушно улыбался.

Рис. В. Качальского

«...НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ ДАЛЁКИХ ПЛАНЕТ...»

(К детским рисункам на 1-й и 2-й страницах обложки)

...В звездолёте их было пятеро, но, разглядывая в иллюминатор незнакомую планету, каждый думал об одном и том же: эта «незнакомка» чем-то похожа на родную Землю! Потом звездолётчик «приземлил» корабль и разведчики вышли на поверхность... Планета была таинственна и красива. Она встречала гостей цветами...

Так Кожина Катя изобразила «Исследование другой планеты». Её рисунок мы поместили на первой странице обложки.

А у Любы Скобелевой на рисунке «В космосе» разведчики идут по планете суровой, недружелюбной. И небо над ними грозное, светит только далёкий Сатурн с нарядным и лёгким поясом-кольцом.

А если случится в полёте непредвиденное! Что тогда? Тогда наши космонавты выйдут в открытый космос и устранят неполадки. Как они это делают — вы видите на рисунке Алексея Левчука.

Все три рисунка — рисунки-победители конкурса на лучший рисунок для «Искорки», который проводит детская городская ленинградская художественная школа.

«Я не дрогну в КОСМИЧЕСКОЙ МГЛЕ...»

Посвящаю Юрию Гагарину

ОРБИТА

С укоришной, бывало, говорил мне отец:
— У всего есть начало, но ведь есть и конец.

Был я молод и весел. Был отчаянно смел.
На земле куролесил. В небесах не робел.

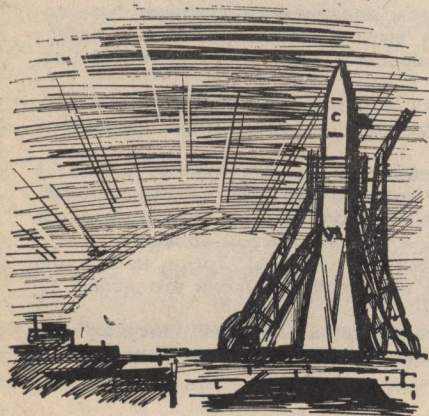
Горько мама вздыхала:
— Перестань, сорванец!
У всего есть начало, но ведь есть и конец.

Ах, слезинка-росинка! Маму искренне жаль.
Но манила тропинка в марсианскую даль.

Небо штормом качало:
— Образумься, птенец!
У всего есть начало, но ведь есть и конец.

Уводила дорога в звон вселенского дня.
Никакая тревога не страшила меня.

Как бы время ни мчало, у орбиты-кольца
Никакого начала, никакого конца!

ЗДРАВСТВУЙ, СОЛНЦЕ

Рассвет. Заря на космодроме.
Навстречу первому лучу
На звездолёте, как на громе,
Над всей Вселенной грохочу.

А там, в туманном полумраке,
Как строки — борозды полей.
Там восклицательные знаки
Пирамидальных тополей.

Там, временами пропадая,
Река сверкает вдалеке,
Как будто жилка голубая
У мамы бьётся на виске.

А сверху свет волною льётся.
Гляжу, восторга не тая.
Какое солнце! Здравствуй, солнце!
Сияй, свети во все края!

СКОРОСТЬ

По неизвестным волнам океана
Медленно шли корабли Магеллана.

Шутка ли — нужно им было три года
Для кругосветного их перехода.

Но вековой приземлённости горесть
Преобразила весёлая скорость.

Спутник на весь кругосветный маршрут
Тратит всего девяносто минут.

Только землянам и этого мало.
Неукротимое время настало.

Медленной кажется даже ракета.
Хочется взвиться со скоростью света.

В небе летая и в космосе рея,
Люди мечтают: быстрее, быстрее!

Если пространство вокруг бесконечно,
Мы на Земле не останемся вечно.

Сонмы галактик над нами повисли.
Вот бы метнуться со скоростью мысли!

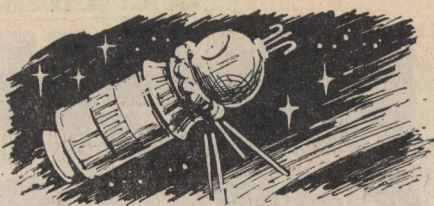

Рис. В. Данилова

НАД ЗВЁЗДАМИ

Я отвык от земного пейзажа.
Позабыл и цветы и траву.
В броневой скорлупе фюзеляжа,
Словно в каменной башне, живу.

Метеоров огонь перекрёстный
Хлещет в борт моего корабля.
Затерялась за россыпью звёздной
Голубая планета Земля.

Уклонился с расчётного румба,
В неприятный попал переплёт.

И, как в штиль каравеллы
Колумба,
Тишиной окружён звездолёт.

Неизвестны ни время, ни дата.
Ни ночей я не знаю, ни дней.
Было трудно Колумбу когда-то,
Но стократ космонавту трудней.

Я любую беду одолею,
Я не дрогну в космической мгле,
Мне бы только на миг, как Антею,
Прикоснуться к родимой Земле!

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12

РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

ЗАКОНА!

ОТ РЕДАКЦИИ

Многих ребят интересуют подробности побега Серёжи Иванова. Выяснилось, что в Каменске он все два дня простоял у ворот местной трикотажной фабрики, что-то считая и записывая... Его заметил вахтёр, который и сообщил в милицию о странном поведении мальчика.

Зачем Серёжа стоял у ворот фабрики? Что он считал? Что записывал? И что вообще с ним происходит? Пока, к сожалению, ответить на эти вопросы мы не можем...

А теперь слово Олегу Данилову.

Ребята!

В прошлых номерах журнала вам было задано немало серьёзных вопросов. Я внимательно прочёл все письма с вашими ответами, и мне в редакции предложили обсудить их на страницах журнала.

Прежде всего поговорим о Робине Гуде и о том, почему не могли быть справедливыми прежние законы.

Хороший, обстоятельный ответ прислал нам ученик 7-го класса Костя Фридман.

«Прочитав рассказ писателя Данилова, — пишет Костя, — я понял, что законы устанавливают те, кому принадлежит власть. Значит, если власть у рабовладельцев, то и законы будут действовать в

их интересах, против рабов. При феодализме — то же самое: графам, герцогам и баронам законы были нужны, чтобы держать простых людей в подчинении и всё у них отнимать. И, конечно, прав был Робин Гуд, что нарушал такие законы. Ведь он грабил феодалов, то есть тех, которые сами грабили свой народ!»

Я позволю себе прервать чтение Костиного письма, чтобы процитировать несколько строк из книги великого английского философа XVI века Томаса Мора. Книга эта называется «Утопия». Вот что пишет сэр Томас Мор о современном ему общественном устройстве: «Когда я внимательно наблюдал и размыш-

лял обо всех государствах, которые процветают и донныне, честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых, под предлогом и под именем государства думających о своих выгодах».

«Заговор богатых» — как убийственно метко это сказано!

«...А у нас при социализме, — продолжает в своём письме Костя, — власть принадлежит всему народу. Значит, и законы создаются в интересах всех! Поэтому они и справедливые!»

Правильно! Молодец Костя!

А теперь вспомним, ребята, рассказ Вити Круглова, учащегося строительного ПТУ. Он так настойчиво стремился к тому, чтобы всё было строго по закону — и вдруг вместе со своими товарищами решил

ЕЩЁ РАЗ ОТ РЕДАКЦИИ

Как это бывало и раньше, письма дали нам и пищу для размышлений. Вот что пишет ученик 6-го класса Сева У.:

«...У нас законы справедливые. Поэтому и жить у нас легко и про-

пойти на субботник! Ведь никакой закон этого не требует! В чём же тут дело?»

Да всё в том же — в справедливом устройстве нашего общества. И раб, и крепостной крестьянин, и рабочий, нанятый капиталистом, — все они трудились, подчиняясь силе или жестокой необходимости. А чтобы понять, что такое труд при социализме, — обратимся к В. И. Ленину. В статье «Как организовать соревнования» Владимир Ильич писал: «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы НА СЕБЯ...»

Мы работаем на себя! Поэтому труд из тяжёлой, иногда каторжной повинности превращается в радость, в праздник. А субботник и есть праздник труда. По-моему, всё понятно.

сто. Если надо — можешь по закону всё для себя потребовать! И тебе это предоставят!..»

Да, законы у нас справедливые. Но неужели они существуют только для того, чтобы «всё для себя требовать»? И, размышляя над этим письмом, Олег Данилов сочинил рассказ, который мы и предлагаем вашему вниманию. В нём действуют уже знакомые вам персонажи — Человек, Закон и Время. Правда, в первом рассказе Олега главным героем был не просто Человек, а Простой Человек, но Олег объяснил, что, по его мнению, выражение «Простой Человек» для нас неприемлемо. Там, где существуют аристократы, миллионеры, диктаторы, — это возможно. А у нас все равны. Если кого-то назвать «простым человеком» — кто же тогда «непростые» люди? Глупость какая-то!

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Как бывают законы

Однажды субботним апрельским утром Человек надел пальто, кепку, обмотал шею шарфом и вышел на улицу. Светило ласковое апрельское солнышко. Дул тёплый апрельский ветерок. И настроение у Человека было тоже апрельское.

— Приветствую тебя! — раздался вдруг уверенный голос. — Как поживаешь?

— Это ты, Закон? — воскликнул Человек. — Рад слышать тебя! Ты пришёл помогать мне? Да?

— Постараюсь! — улыбнулся Закон.

— Прекрасно! — обрадовался Человек. — Слушай! Я иду покупать магнитофон. Пойдём со мной, а? Вдруг пригодиться?

— Пойдём! — согласился Закон.

— Для начала, — мечтал Человек вслух, — Высоцкого, Пугачёву и Челентано... А потом!..

— Не могу! — ответил Закон. — Сержант прав! Он выполняет моё требование!

Негодующе фыркнув, Человек заплатил штраф, и они пошли дальше.

— Давай проедем пару остановок, — предложил Человек, успокоившись. — Всё быстрее!

В автобусе Человек развалился на переднем сиденье и вытянул ноги в проход.

На переходе им преградил путь красный свет светофора, но Человек не обратил на это внимания — улица была пуста.

— Неплохо бы, конечно, Моцарта, — размышлял Человек опять, — или Бетховена... В хорошем исполнении...

Раздался свисток.

— С вас за неправильный переход улицы — штраф! — сказал, козырнув, усатый милиционер. — Платите три рубля!

— Чего? — возмущился Человек. — А ну-ка, Закон, защищай меня немедленно!

— Нет, прежде всего, конечно, Леонтьева! — заявил он. — Здорово поёт! «...А я бегу, бегу, бегу, бегу!..»

— Во-первых, не кричи на весь автобус, — строго сказал Закон. — Ты нарушаешь общественный порядок! А во-вторых, пересядь на заднее сиденье!

— Это ещё почему? — удивился Человек.

— Первые шесть мест предназначены для пассажиров с детьми и инвалидов. А ты — не тот и не другой. А в-третьих, купи билет!

— Да брось ты! — отмахнулся Человек. — Две остановки всего-то!

— Плати! А не то ещё раз оштрафуют!

Выйдя из автобуса, Человек скомкал билет и швырнул на тротуар.

— И это называется — ты мне помогаешь! — громко возмутился он. — Шагу не ступить, чтобы ты...

— Подними билет! — потребовал Закон. — И брось его в урну!

— Ну, знаешь! — Человек остановился и топнул ногой. — Что я тебе — дворник?

— Смотри! — предупредил Закон.

Человек поднял билет и, держа его в вытянутой руке, торжественно промаршировал к урне.

— Доволен? — зло спросил он. — Придираешься ко всякой ерунде!..

Целый квартал они прошли молча. Человек, надувшись от обиды, даже не смотрел в сторону Закона. И вдруг он остановился как вкопанный.

— Минуточку! — быстро сказал он. — А это что такое?

Прямо на тротуаре лежал новенький коричневый бумажник, чем-то плотно набитый.

— Так, так!.. — Человек открыл бумажник и стал в нём рыться. — Паспорт чей-то... водительские права... ух ты!.. — И он вытащил из бокового кармана толстую пачку денег.

— Десять, двадцать... — нетерпеливо считал он, — тридцать... двести пятьдесят рублей! Вот это повезло! Ур-ра!

— Повезло, — согласился Закон. — Тому, кто потерял бумажник. По паспорту и водительскому удостоверению этого недотёпу быстро разыщут!

— Кто же это, интересно, будет его искать? — усмехнул-

ся Человек. — Уж не я ли?

— Милиция!

— А как милиция про это узнает?

— Смотри! — Закон показал Человеку на дом напротив. Около одной из парадных висела стеклянная доска с надписью «Стол находок».

— Сейчас ты пойдёшь туда и отдашь то, что нашёл.

— Вообще-то да, — согласился Человек. — Зачем мне чужой паспорт? И водительские права? Надо помочь бедняге...

— Правильно! — раздалось сразу несколько голосов.

Оказывается, собрались люди, которые на все лады обсуждали необычное происшествие.

— Вот так и сделаем! — сказал Человек. Он вынул деньги, сунул себе в карман и защёлкнул бумажник на кнопку. — Иду в «Стол находок»!

— Погодите! — воскликнул старичок с дедморозовской бородой и усами. — А деньги?

— А деньги стали моими! — уверенно сказал Человек. — Ведь это я их нашёл!

— Вы обязаны их тоже сдать! — заявил толстый дяденька с портфелем, из которого торчал батон. — Деньги заработаны не вами!

— А не надо было терять! — нахально заявил Человек. — Теперь не отдам!

— Нет, отдадите! — строго сказал старичок. — Вот мы сейчас милицию позовём!..

— Товарищи, товарищи! — раздался взволнованный голос, и сквозь толпу протиснулся молодой парень в кожаном пальто. — Вы случайно... ну, мало ли... бумажник не находили? Такой коричневый... Там ещё паспорт. И права... Васильев моя фамилия, Степан Захарович!..

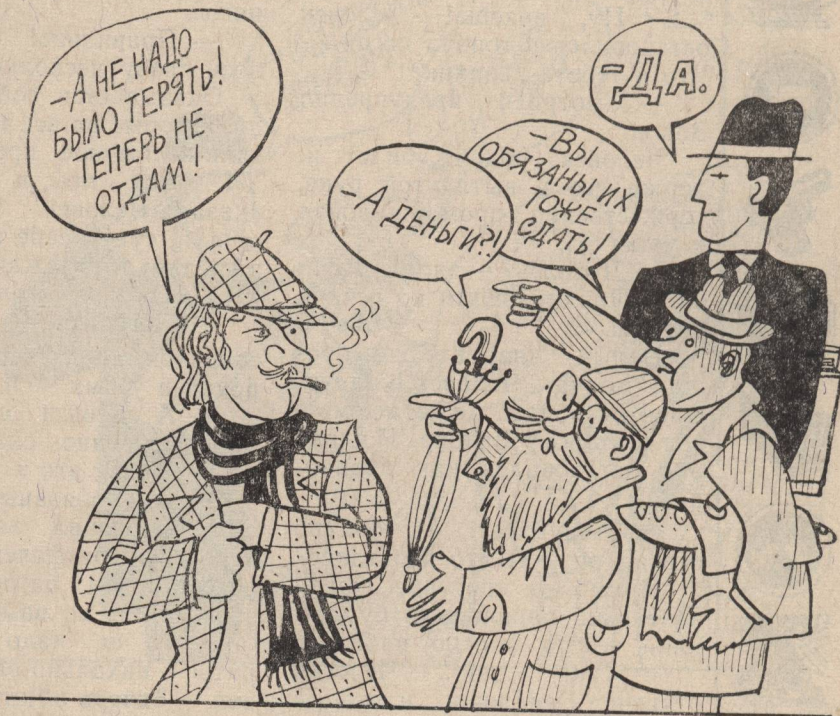
Смотря куда-то в сторону, Человек молча протянул парню бумажник и деньги.

— Ой! — радостно выдохнул парень. — Вот удача так удача! Я, понимаете, жениться собираюсь, так вот как раз сегодня мы с моей Лидочкой пошли кольца покупать! Стал у кассы расплачиваться — а бумажника-то и нет! Три месяца деньги откладывали! Лидочка говорит: кто же теперь вернёт!.. А вот есть, оказывается, честные люди!

И он крепко пожал Человеку руку.

го чтобы мне помогать, ты какие-то пакости устраиваешь! Из-за тебя и штраф платить пришлось, и деньги возвращать! Сюда не садись, туда не иди, там не пой, здесь не стой! Всего-навсего полчаса я с тобой провёл — и уже сколько неприятностей! А если ты ко мне домой проникнешь? Или на работу? Страшно даже представить, что это будет! Короче — всё! Я тебя больше знать не хочу! И прекрасно

— ...Слушай, Закон, — медленно проговорил Человек, когда они остались вдвоём. — Чего этот старичок на милицию ссылался? Опять твои штучки?

— Да, — ответил Закон. — Гражданин Васильев мог бы обратиться в суд. И суд, основываясь на показаниях свидетелей, обязал бы тебя вернуть деньги.

— Ну вот что! — помолчав, сказал Человек. — Ясно одно — ничего хорошего от тебя не дождёшься! Вместо то-

обойдусь без тебя!

И Человек решительно зашагал прочь. А Закон, грустно улыбнувшись, посмотрел ему вслед.

— Эх, Человек, Человек!.. — вздохнул он. — Ты хочешь обойтись без меня? Ну, что же... попробуй! Время! Где ты?

— Я здесь! — раздался тихий голос Времени. — Я всегда рядом!

— Помогите мне, — попросил Закон. — Ведь мы с тобой — старые друзья.

— У меня нет времени, — пожаловалось Время. — Я ни на мгновение не могу остановиться!.. А что тебе нужно?

— Ты можешь быть таким разным, — подольстился Закон. — Наше Время, Прошедшее Время, Будущее Время! Всё это ты!..

— Да, — согласилось Время. — И не только это. Удачное Время, Потерянное Время, Свободное Время, Смутное Время, Золотое Время — это тоже я! Ладно... Говори, что надо делать?

— Слушай! — сказал Закон. — Пусть этот Человек попадёт во ВРЕМЯ, КОГДА ЗАКОН ВДРУГ ИСЧЕЗ!

...В радиомагазине на полках стояло много разных магнитофонов. И все на вид были очень симпатичные.

— Товарищ продавец! — обратился Человек к молодому парню в синем халате. — Как вы думаете: какой магнитофон мне купить?

— Нет, вы слышали? — вскинул брови продавец. — Я должен знать, какой магнитофон ему купить!

— Вы мне, пожалуйста, объясните, — попросил Человек, — чем они друг от друга отличаются?

— Ценой отличаются, — усмехнулся продавец. — Весом. Размерами. Могли бы и сами заметить.

— А вы мне не дадите посмотреть?

— Смотрите!

— Нет, а попробовать?

— Интересно! Вы начнёте «пробовать», сломаете, а отвечать кто будет?!

— Ну, тогда вы сами, может быть, включите? Интересно, как он звучит.

— Интересно, а зачем вам вообще покупать магнитофон? — продавец опять вскинул брови. — Захотел послушать — пришёл в магазин, по-

просил включить, наслушался и ушёл. И деньги тратить не надо.

Человек вздохнул. «Куплю вот этот, — решил он. — Вроде и не очень дорого, и небольшой — носить удобно. И на вид ничего». Он заплатил в кассу деньги, и продавец вручил ему покупку.

— Вот теперь, — сказал продавец, — другое дело. Слушайте, сколько угодно.

В соседнем отделе продавали кассеты с разными записями. Нетерпение было слишком велико — песни Аллы Пугачёвой Человек решил послушать прямо в магазине. И каково же было его удивление, когда Пугачёва запела знаменитый «Айсберг» хриплым голосом Высоцкого!

— Головка воспроизведения барахлит, — авторитетно заявил продавец. — Заводской брак.

— Дайте мне другой магнитофон, — потребовал Человек.

— С какой стати? Брак-то заводской. При чём тут магазин?

— Тогда верните мне деньги.

— А куда мы эту развалину денем? Её же никто не купит.

— Что же мне делать?

— Так слушайте! — посоветовал продавец. — Пугачёва и Высоцкий в одном лице — ещё интереснее! Ни у кого такого нет, а у вас есть. Вам все завидовать станут!

— Что же мне делать? — воскликнул Человек. — Кто мне поможет?

Чуть не плача, он выбрался из магазина и, держа под мышкой магнитофон, пошёл домой.

— Эй, Человек, — раздался уверенный голос Закона. — Я могу тебе помочь!

Человек остановился.

— Ты? — удивился он. — Но ведь от тебя одни неприятности!

— Не торопись с выводами! — строго заметил Закон. — Эй, Время! — воскликнул он. — Хватит! Вернись обратно!

...Человек вошёл в радио-магазин. Но теперь рядом с ним был Закон.

— Здравствуйте, — улыбнулся продавец. — Что желаете купить?

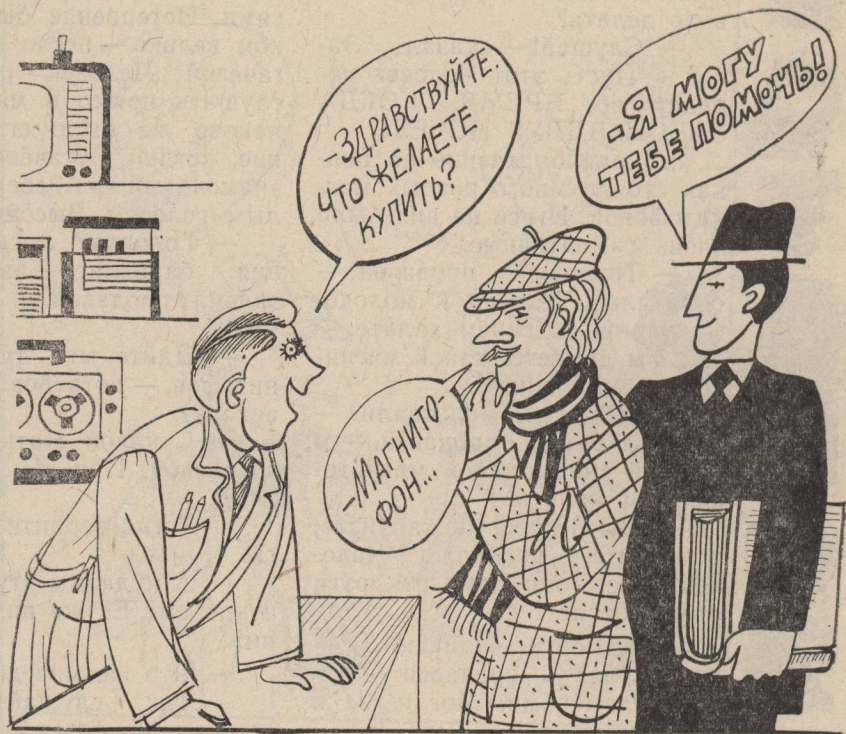
— Магнитофон... Да вы не

например, на пол бросите, — будете платить. Но вы же не станете этого делать! А если всё делаете в пределах правил — значит, прибор неисправен и платить вам не нужно.

Купленный Человеком магнитофон работал прекрасно.

— А вдруг он возьмёт и испортится? — спросил Человек вежливого продавца.

— Обменяем, — заверил его продавец. — А как же иначе?!

беспокойтесь, — застеснялся Человек, — я сам...

— Зачем же? — возразил продавец. — Моя обязанность — порекомендовать тот или иной товар. — Он поставил на прилавок несколько магнитофонов и стал подробно рассказывать о каждом из них. — А теперь, — сказал продавец в заключение, — можете попробовать сами. Включайте, слушайте.

— А если я что-нибудь сломаю? — испугался Человек.

— Сломаете специально —

— А если брак заводской?

— Ну и что же? — удивился продавец. — Если мы продали вещь, то мы отвечаем за её качество. В случае чего — приходите!

— Ну, спасибо тебе, Закон! — сказал Человек. — Оказывается, и ты можешь пригодиться! Сейчас как послушаем!

«А ты такой холодный!.. — завопил магнитофон — на всю улицу. — Как айсберг в океане!.. и все твои...»

— Выключи! — потребовал Закон. — Сию же минуту!

— Опять? — возмутился Человек. — Опять ты жить мешаешь?

— Послушай меня внимательно! — строго сказал Закон. — И запомни раз и навсегда. Я, Закон, защищаю твои права. Ты только что убедился в этом. Но, кроме прав, существуют и обязанности. И я, Закон, требую от тебя и от других людей их выполнения!

— Зачем они нужны, эти обязанности? — мрачно спросил Человек. — Без них спокойнее!

Закон некоторое время помолчал, собираясь с мыслями, потом спросил:

— Скажи, кто ты есть?

— Я? — удивился Человек. — Я — Человек!

— Ну, это понятно! — сказал Закон. — Я другое имею в виду. В каждый момент своей жизни ты вступаешь в самые разные отношения с другими людьми. Исполняешь, как говорят юристы, различные социальные роли.

— Какие роли? — воскликнул Человек. — Я же не артист!

— А вот послушай! — сказал Закон. — Кем ты был только что? Покупателем. И у тебя, и у представителя магазина — продавца — возникли и права, и обязанности. Если я, Закон, их чётко не урегулирую, то — ты сам почувствовал — что из этого может выйти! Поэтому существует так называемое гражданское право, которое регулирует различные имущественные отношения: куплю — продажу, обмен, заказ, хранение, перевозку, наследование... Понял?

— Вроде бы... — неуверенно сказал Человек. — Пстой! А какие ещё роли я могу исполнять?

— Подумай! — предложил

Закон. — Вспомни, чем тебе приходится в жизни заниматься!

— Я хожу на работу, — сказал Человек. — Значит, я — трудящийся. Так?

— Верно! — подтвердил Закон. — Отношения людей на работе регулирует трудовое право. Приём на работу, увольнение, режим труда и отдыха, трудовая дисциплина, оплата труда — видишь, сколько всего?

— Кроме того, — продолжал Человек, — у меня есть семья. Я — муж и отец!

— Тут вступает в силу семейное право, — пояснил Закон.

— А оно-то зачем? — удивился Человек. — Мы с женой сами прекрасно договариваемся! Без всякого права!

— Я рад за тебя! — сказал Закон. — Но что делать, если муж и жена не могут договориться? Развод, раздел имущества, права и обязанности по воспитанию детей... Ты, кстати, недавно получил квартиру?

— Да, — заулыбался Человек, — трёхкомнатную... Неужели есть квартирное право? — поразился он.

— Да, — улыбнулся Закон, — только оно называется жилищное право. Если ты напишешь книгу или сочинишь песню, то есть станешь автором, у тебя появится авторское право. А если кто-то попытается оскорбить тебя или начнёт хулиганить, вступает в действие уголовное право.

— Много набирается! — удивлённо заметил Человек.

— И это далеко не всё! — сказал Закон. — Существует также финансовое право, административное, земельное, колхозное, международное — причём

отдельно морское, воздушное и космическое...

— И такое есть? — не пове-
рил Человек.

— В космос летают пред-
ставители разных стран, и
нужны общие для всех нор-
мы... А самая главная отрасль
закона — право государ-
ственное! Оно говорит о
том, как устроено наше госу-
дарство, кому принадлежит
власть, какие у нас органы
власти, кто владеет богатства-
ми страны, каковы обязанно-
сти граждан. А основным до-

кументом государственного
права является КОНСТИТУ-
ЦИЯ!

Человек задумался.

— Пожалуй, — сказал
он, — всё это действительно
необходимо... Но как это за-
помнить?

— Запомнить всё, конечно,
невозможно, — успокоил Закон
Человека, — но основные поло-
жения права знать необходи-
мо. Для того, чтобы в нужную
минуту на помощь тебе мог
прийти я — Закон.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вы, наверное, уже привыкли, что в конце каждого рассказа мы пред-
лагаем вам вопросы. Мы собирались сделать это и сейчас. Но буквально
за день до выхода номера мы получили очень интересное письмо. Вот оно.

«Дорогая редакция!
Раз вы пишете про справедли-
вость — объясните такой случай.

У нас в доме, выше этажом, жи-
вёт Миша Афанасьев. Ему двадцать
пять лет. Он по специальности то-
карь. То есть он раньше был тока-
рем и работал на заводе.

Так вот, когда я ни приду из
школы — всё над головой топот, му-
зыка орёт и какие-то вопли раз-
даются.

Мама мне объяснила, что Ми-
ша — прогульщик и его на заводе за
это должны наказывать. И точно — он
однажды зашёл к нам занять у ма-
мы три рубля и говорит, что вы-
гнали его и он очень переживает и
больше не будет прогуливать, а бу-
дет работать и три рубля отдаст.

А потом — опять топот, и гро-
хот, и музыка. И даже поздно ве-
чером.

Мама пошла его стыдить, а он
ей сказал: «Вот три рубля. Большое
вам спасибо, Татьяна Сергеевна.
Я теперь устроился слесарем в жил-
контору, если выгонят — ещё куда-
нибудь устроюсь. У нас, — говорит, —
безработных нет, не то что в Америке,
поэтому, — говорит, — я не про-

паду... А что шумно — это, — гово-
рит, — извините».

А сам, мама сказала, еле на
ногах стоит.

А потом его из жилконторы то-
же выгнали, и он стал письма раз-
носить, и сумку потерял где-то...

Он и грузчиком был в магазине,
и сторожем, и дворником, и ещё кем-
то... Его выгонят — он снова куда-
нибудь устроится, и на всё ему на-
плевать.

И вот я думаю — с одной сторо-
ны, это очень хорошо, что безработ-
ных нет, потому что ведь можно
с голоду умереть без работы. А с
другой стороны, что с таким Мишей
можно сделать, если он знает, что
всё равно куда-нибудь да при-
строится?

Его, наверно, и увольняют по
закону, и принимают ещё куда-ни-
будь — тоже по закону, а он только
везде всё портит и вредит.

Объясните мне, в чём тут дело?

С уважением Николай Ильин,
ученик 6-го класса».

И ещё есть в письме приписка:

«Миша вообще-то парень хоро-
ший. Когда я во втором классе учил-
ся, мы с ним запускали змея».

ОТ РЕДАКЦИИ

Очень серьёзное письмо прислал Николай Ильин. Мы обязательно обсу-
дим его в следующем номере. Если и вы захотите принять участие в его
обсуждении — пишите. Будем рады вашим письмам. Ждём их.

Римма Баранникова

ЛЕНИВЫЙ БИНУ

по мотивам индийского фольклора!

Это только кажется, что все обезьяны друг на друга похожи. На самом деле — у каждой свои привычки, свой характер. Вот, к примеру, ленивый Бину...

Впрочем, если уж рассказывать, так всё по порядку.

Стая, в которой родился Бину, облюбовала для себя развалины Туглакабада — он расположен совсем рядом с Дели.

Казалось бы, чего ради жить обезьянам поблизости от шумного города, тем более что внизу, прямо под пальмами, широкая дорога, а по

ней целыми днями мчатся машины, велосипеды, мотороллеры... Может быть, вожак в стае был не больно умён?

Оказалось, было ради чего тут жить. Ради проезжих людей!

На чём бы люди ни ехали, завидев обезьян, обязательно замедляли ход, чтобы бросить им лакомство. А порой люди приезжали специально — посмотреть на развалины. Походят они по развалинам, наговарят друг другу разных премудростей о древних временах, а потом выберут симпатичное местечко и сядут пировать. Вот уж тут, обезьяний народ, — не зевай! А люди и ещё больше веселятся, глядя, как сноровисто подбирают обезьянки бананы и яблоки.

Но как только обезьяны насытятся, так люди их больше и не интересуют. Забираются обезьяны на деревья повыше, сидят себе, не слезая, — и все дела.

Так что вожак в той стае был совсем не глуп!

Но вернёмся к Бину.

Когда он родился, то казался обыкновенной маленькой обезьянкой: глазки — любопытные, хвост — длинный, а лапки — цепкие. Как и все малыши, был он всё время с мамой. Вернее — на маме. То на шее у неё висел, то на животе, то на спине, крепко вцепившись в её шерсть всеми четырьмя лапками. И мама с удовольствием таскала на себе Бину и с радостью отдавала ему самые лакомые кусочки.

Но вскоре выяснилось, что Бину не такой, как все. Оказалось — он очень ленивый.

Уж и год прошёл, и два, и три, а он всё с мамой или на маме. И уже не она даёт ему орех или корочку апельсина, он сам выхватывает у неё еду.

Обезьяны стали над Бину смеяться:

— Эй, ты, лентяй, смотри, как мы с ветки на ветку прыгаем!

Бину молчит. Только хрустит яблоком или орехи щёлкает.

Пришло время, когда даже мама стала ворчать на Бину:

— Ты уж большой, сынок, а всё ещё на моей шее. Мне с тобой тя-

жело. Поучись-ка сам еду добывать.

Бину и на её слова внимания не обращает.

Пришлось вмешаться отцу. Однажды согнал он сынка с материнской шеи, дал ему хорошего пинка да ещё приказал матери и остальным родственникам никакой еды Бину не давать.

Хватит с ним возиться! Пусть сам попрыгает! А то вон под деревом уселся! Взобраться на дерево — ему уже лень! Пусть так и сидит голодный...

Был отец Бину вожаком стаи. Его слово — закон. Только попробуй ослушаться!

Сидит Бину под деревом. И час сидит, и два... Обезьяны визжат, кричат, резвятся, а он сидит один, глазами туда-сюда поводит, но умирать с голоду не собирается. Потому что, хоть и был Бину ленивым, но глупым не был. Он уже придумал, как будет себе еду добывать. Он ждал, когда появятся люди.

И вот видит — идут. Большой человек, в брюках, — папа, человек поменьше, в сари, — мама, и маленький человечек, наверное, детёныш. Так и есть, они его сынком зовут. И имя у сынка есть — Нареш. И ещё заметил Бину сумки, которые несли в руках папа и мама. В каждой руке по полной сумке. «Ясно, что они нас кормить будут, — понял Бину, — нужно, чтобы мне побольше досталось...»

Бину уже давно заметил, что любят люди, когда их передразнивают, от этого ещё добрее становятся и, не жалея, бросают пригоршни орехов и бананы. И даже такую еду дают, о которой обезьяны ничего и не слышали. Но вкусно!

«А что если, — размышлял Бину, — не кривляться перед людьми, а прикинуться перед ними гордым? Может быть, больше перепадёт?»

Встал Бину под деревом на задние лапы, передние сложил на груди. Будто и не обезьяна он, а монумент какой-то.

И, конечно же, на него сразу обратили внимание.

Маленький человечек, сынок, крикнул:

— Папа, посмотри, какой смешной обезьянёнок! Можно, я ему целый банан дам?

— Да, — сказал папа-человек, взглянув на Бину. — Конечно, брось ему банан. Можешь и два... Он заслужил — вон как старается!

Мальчик бросил Бину два банана.

Жёлтые, крупные! Они шлёпнулись у самых его ног. Наклонись и возьми! Но Бину понимал — возьми он эти бананы, и всё будет испорчено. А у него ведь были иные планы!

Он только мельком взглянул на бананы. Поднимать их не стал.

Долго ли пролежат спелые бананы на дороге, где спуют обезьяны? Конечно, нет. Со всех ног кинулись к бананам родственники Бину, а он даже и не шелохнулся. Так и простоял в позе, полной достоинства.

— Странная обезьянка, — сказал папа-человек. — Ему что, подношения нужно подавать с поклоном?

Мама-человек предположила:

— Может, это обезьяний принц? Придётся тебе, Нареш, подать ему банан со всеми почестями, как важной особе!

Она сказала это в шутку, а мальчик принял всерьёз. Он взял ещё два банана из сумки и подошёл к Бину.

— Вот, возьми, пожалуйста, — улыбнулся Нареш и даже слегка поклонился. — Не побрезгуй — бананы отменные...

Бину протянул лапку и взял ба-

наны. Вторую лапку он тут же приложил ко лбу. Бину видел не раз — так люди выражают свою благодарность.

— Папа, мама, смотрите! — обрадовался Нареш. — Он — совсем как человек! Он всё умеет делать!

А Бину между тем аккуратно очистил бананы и съел их, не торопясь, не жадничая.

Мальчик пришёл в такой восторг, что принёс Бину целый кулёк земляных орехов.

Бину опять поклонился и защёлкал орехами. Однако кожуру он сначала сплёвывал в лапку, и только потом отбрасывал её в траву.

— Ну и ну! — сказал папа-человек. — Да это не просто принц, а настоящий учёный!

— А это мы сейчас проверим, — сказала мама-человек и обратилась к Бину: — Хочешь сладкого? У нас есть превосходная халва. Халвы хочешь?

Бину протянул лапку: «Хочу, мол, хочу халвы...»

Люди так и ахнули от изумления.

В тот воскресный день — благо был он не очень жарким — в Туглакабад приехало много народу, люди хотели отдохнуть на природе среди замшелых камней старины. Так вот — не было среди приехавших человека, который не заинтересовался бы поведением Бину. Он нравился всем. К нему подходили и одаривали, кто чем мог.

Скоро у ног Бину лежало множество всякой вкусной всячины — по крайней мере, на месяц вперёд. И всё-таки халва, которую подарила ему мама-человек, была самым лучшим подношением.

— Ну, до свидания, принц, — сказал наконец папа-человек, — может, ещё увидимся...

Мама-человек улыбнулась Бину.

А сынок Нареш помахал ему рукой.

И они пошли по дороге дальше, чтобы потом свернуть с неё и устроиться на мягкой траве. Там папа-человек будет рассказывать про раджу Туглака, про прекрасные замки, которые он когда-то здесь возвёл, и про развалины, в которые они превра-

тились. Но Бину слушать про это было неинтересно, потому что он так наелся, что больше всего ему хотелось спать.

А тем временем обезьяны, родственники Бину, во все глаза глядели на его проделки и были в страшном недоумении.

Даже отец-вожак удивлялся и пожимал плечами.

Сам Бину тоже находился в большом затруднении. Наелся он до отвала, а как ему поспать? Ведь обезьяны — не кошки и не собаки. И даже не лисы и не шакалы. На земле обезьяны спать не могут! Надо на дерево забираться, а Бину — лень, да и тяжело с полным-то желудком! А спать хочется — терпенья нет, глаза сами собой закрываются.

«Теперь к маме на шею не сядешь, — размышлял он, — она отца послушаться не посмеет. Что же делать-то?»

И вдруг придумал!

— Эй! — крикнул он обезьянам. — Хотите халвы?

Как не хотеть! Может, кто из них разочек в жизни халвы и попробовал, а большинство только слышали про халву, про то, какая она вкусная.

Прибежали обезьяны к Бину. Окружили его.

— Дай халвы! Дай! — кричат. — Мне! Мне! — кричат наперебой.

— Я дам халву тому, — урезонил их Бину, — кто поднимет меня на мою ветку-спальню.

— Я подниму! Я! — опять закричали обезьяны, стараясь перекричать друг друга.

Бину выбрал себе двух носильщиков. Они были рады-радешеньки за прекрасную халву втащить лентя на дерево, и Бину сдержал обещание — отщипнул от большого куса два маленьких кусочка и дал обезьянам-носильщикам. Он даже ухитрился захватить на ветку и всю еду, которую подарили ему люди, и уложил её рядом с собой.

Мать Бину смотрела на всё это безобразие и утирала слёзы.

Отец Бину тоже всё это видел. Сначала он молчал и только укоризненно качал головой, а потом — не зря вожаком был! — вынес такое решение:

— Вот пусть на ветке один и сидит. И чтобы никто с ним не разговаривал и никто не жалел его! Один раз повезло лентяю, он уж и возгордился! Посмотрим, что дальше будет...

Но Бину никакого внимания на слова отца не обратил. Для него началась расчудесная жизнь! Он возлежал на ветке-спальне и блаженствовал: всё время лакомился — то одним, то другим. Поест, поспит, поглядит через листву на дорогу и снова поспит. И опять поест... Любо-дорого что за жизнь!

А другие обезьяны прыгали, бегали, шумели. Всё, как всегда. Будто Бину и на свете нет.

Но вот кончилась у Бину еда и пришло к нему раздумье.

«Как бы, — думает он, — вниз спуститься да чего-нибудь вкусенького у людей раздобыть?»

— Эй, Мину! — кричит он своему соседу. — Помоги спуститься! Халвой расплачусь!

А Мину молчит, будто не слышит.

— Послушай, Каччу, иди сюда!

А Каччу прыгает себе, словно и не к нему Бину обращается.

— Мама! — завопил Бину отчаянно. — Подойди ко мне, мама!

Но и мама — никакого внимания.

А от обильной еды и бесконечного спанья Бину растолстел, стал совсем неповоротливым. Но голод не шутка — пришлось самому спуститься. И сумел-таки. Особой сноровки, конечно, не было, но поскольку лапы и хвост были при нём, то они Бину из беды и вызволили.

Снова уселся Бину под деревом, снова глазами туда-сюда ворочает — людей высматривает.

И увидел — идут. И те же самые: папа-человек, мама-человек и сынок Нареш.

Бину решил их встретить, как в прошлый раз — гордым прикинуться, раз это людям так понравилось.

Хотел он встать на задние лапы — да не тут-то было! Живот у него стал тугой, как барабан, и круглый, как футбольный мяч. И минуты не простоял Бину на задних лапах — живот перетянул вниз. Пришлось опуститься ему на все четыре лапы.

Стоит Бину на четвереньках, от унижения и бессилия головой мотает.

Но Нареш его заметил всё-таки:

— Папа! Мама! Смотрите, какой пузатый увалень!

— Да, — согласился папа-человек. — Видно, ему много еды перепадает. Ты, Нареш, отдай свои подарки другим обезьянам. Они-то совсем голодные. Видишь, как смотрят — жадут...

«Как же так, — чуть не заплакал Бину. — Ведь умел же я стоять на задних лапах! И вот...»

И понял Бину — ведь умным был! — что раньше, хоть и сидел на маминой шее, а приходилось ему и

по земле ходить, и на ветке висеть, да и маму догонять приходилось... А в последний месяц он только ел и спал, спал и ел...

И так Бину опять есть захотелось, что переборол он свою лень и кинулся за орехами, которые Нареш бросил другим обезьянам.

И началась весёлая борьба!

Ухватил Бину орех. Поймал грушу. Во вкус вошёл! И уже не ковылял, а бежал резво, как все.

— А этот толстяк — сноровистый! — похвалил его папа-человек.

— Жаль только, что нет сегодня нашего принца, — огорчённо вздохнула мама-человек.

Бину эти слова услышал, подошёл к Нарешу и потянул мальчика за рубашку: «Тут, мол, я, тут...»

— Смотри, — засмеялась мама-человек. — Толстячок с тобой поговорить хочет. Может, он старший брат нашего принца? Дай ему халву, он с братом и поделится.

— Почему ты думаешь, что поделится?

— Конечно, поделится, — поддержал маму папа-человек. — Всю, может, и не отдаст, а часть — обязательно. Впрочем, знаешь что, сынок, отдай-ка лучше эту халву вожаку. Уж он-то поделится со всеми.

— А где вожак? — завертел головой Нареш.

Вожак, старый и важный, солидный сидел в стороне.

Он только благодарно кивнул Нарешу, когда тот положил рядом с ним большой кусок халвы. Халву пришлось положить, потому что вожак лапу не протянул — он не умел унижаться.

Нареш с удивлением посмотрел на родителей. А они улыбнулись:

— Вот так-то, сынок... Ну, пойдем.

Когда они, отойдя в сторонку, оглянулись, то увидели прелюбопытную картину: вожак раздавал обезьянам халву, а они подходили к нему строго по очереди.

Всех оделил вожак.

Только толстяк не подходил. Сидел в стороне, опустив голову.

Вожак что-то крикнул ему. Он подошёл, робко протянул лапу, и на его сморщенную ладошку лёг кусочек халвы.

Такой же, какой и другим.

— Правду говорят, что обезьяний народ — справедливый! — сказала мама-человек, и все трое свернули с дороги.

А что стало с Бину?

С тех пор Бину стал себя вести, как все. Ведь не зря говорят люди — сколько бы ума у тебя ни было, а если ты ленив — толку не выйдет.

Бину это понял вовремя. Как знать, может, он ещё и вожаком стаи будет?

А ленивых обезьян, с тех пор не стало. Не веришь? Поищи сам. Вряд ли найдёшь.

150 лет назад в России появился новый литературно-общественный журнал. Подписчики получили первый номер «Современника». Его издателем и редактором был Александр Сергеевич Пушкин.

Апрель 1836 года...

Позади — Лицей, бурная молодость, южная ссылка, Михайловское, «Полтава», «Евгений Онегин», «Борис Годунов»...

Вокруг — узкий круг друзей и растущее число недоброжелателей, непонимание читающей публики, опостылевшие светские обязанности.

Впереди — работа над журналом, новые шедевры, борьба с противниками и безденежьем, множество планов и замыслов и, меньше чем через год, — роковая дуэль, посмертная слава, бессмертие.

Мы, потомки, знаем, что ждёт Пушкина, сам он мог только предчувствовать. Но, предчувствуя и предвидя, жил сегодняшним днём. Недаром и журнал свой назвал — «Современник».

На пути издания, ещё не родившегося, стояли разные трудности. Николай I не любил журналы. Когда князь Одоевский задумал печатать альманах, царь написал на прошение: «И без того много». «Современник», однако, был дозволен.

Николай ГОЛЬ

Рис. Ю. Шабанова

Оглавление с комментарием

СОВРЕМЕННОК — тот, кто жил или живёт в одно время с кем-либо, с чем-либо.

(Толковый словарь русского языка)

Штабс-ротмистр Александров

26 мая 1836 года во втором часу дня Пушкин поднялся по скрипучим ступенькам трактира Демута на четвёртый этаж, под самую крышу. Путь был знакомым — бывало, он сам, приезжая в Петербург, останавливался здесь, в гостинице на набережной Мойки. Теперь Пушкин пришёл сюда по издательским делам: его ждала встреча с новым автором «Современника» — отставным штабс-ротмистром Александровым, приехавшим из Вятской губернии.

Дверь комнаты отворилась. Перед поэтом стоял коротко подстриженный пятидесятилетний человек — герой войны двенадцатого года, участник многих сражений. Среди приятелей и знакомых Пушкина немало было людей с похожей биографией. Однако эта встреча волновала своей необычностью. Почему же? Никто лучше самого Пушкина не ответил на этот вопрос:

«В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил ря-

довым в Конно-Польский Уланский полк... По-видимому, всё это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шуму, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова».

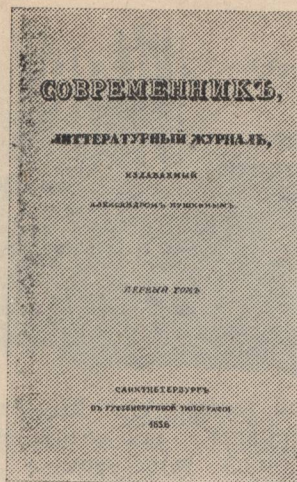
Надежда Андреевна Дурова родилась в 1783 году. Совсем молодой, переодевшись в мужскую одежду, она убежала из отцовского дома в действующую армию. Отвага молодого корнета стала известна. Последовали чины, награды. Среди них — Георгиевский крест, орден, который давался «за отличную храбрость».

В те дни 12-го года, когда молодые лицеисты подумывали, как бы присоединиться к русским войскам на полях сражений, кавалерист-девица участвует в Бородинской битве, встречается с Кутузовым.

«— Как ваша фамилия? — спросил главнокомандующий.

— Александров!

Кутузов встал и обнял меня, говоря:

И сразу же возникли заботы нового рода. Вот несколько хронологических выписок.

14 января 1836 года — официальное разрешение на издание «Современника».

1 февраля — Пушкин берёт в долг 1250 рублей под залог шалей, жемчуга, серебра.

13 марта — заём 650 рублей под залог вещей.

29 марта — умирает Надежда Осиповна, мать поэта. Пушкин уезжает в Михайловское на похороны.

И всё же 11 апреля журнал вышел из печати.

Пушкину оставалось жить меньше года. За это время он успел издать четыре номера «Современника», составить ещё два.

На страницах журнала печатались в основном известные литераторы. Но мелькали там и новые имена, открытые Пушкиным. Теперь они известны каждому.

— Как я рад, что имею наконец удовольствие узнать вас лично! Я давно уже слышал о вас. Оставайтесь у меня, если вам угодно... Пойдите к дежурному генералу Коновницыну и скажите ему, что вы у меня бессменным ординарцем!»

Уйдя в отставку после войны, Надежда Дурова поселилась в Елабуге. Жила она тихо и небогато, тайно от всех писала свои записки. Написав — отправила редактору «Современника», пометив на конверте: «Санкт-Петербург, господину Пушкину».

«Не извиняюсь, — начала она письмо, — за простоту адреса, милостивый государь Александр Сергеевич! Титулы кажутся мне смешными в сравнении с славным именем вашим».

Письмо было получено. Записки опубликованы в «Современнике». Читатели, по словам Пушкина, «с изумлением увидели, что нежные

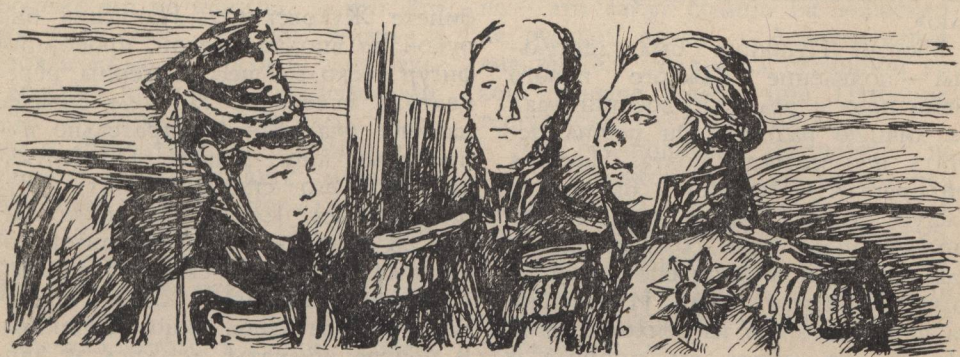
пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером, быстрым, живописным и пламенным».

Умели эти руки и оказывать помощь нуждающимся, и лечить больных, и ласкать животных — она подбирала брошенных или потерявшихся, чтобы вырастить их в своём доме. Кто знает, может быть, знаменитый дрессировщик Дуров обязан талантом доброй наследственности своей легендарной прабабки?

Ф. Т.

*Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят;
Бегут, и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...*

Эти строки знает каждый. В любой хрестоматии, в любом сборнике о родной природе они занимают почётное место. И, конечно, всем известно имя автора «Весенних

вод» — Фёдор Иванович Тютчев. При чём же здесь Пушкин? Может быть, они были знакомы?

Лично — нет. Тютчев жил тогда за границей. С Россией его связывала только переписка. Иногда отдельные стихи появлялись в незначительных альманахах. Трудно сейчас даже представить, что поэта, большинство произведений которого посвящено России, русские читатели и критики не знали совершенно. Сам же автор относился к своему творчеству с поразительной скромностью. Отправляя стихи одному из друзей в Петербург, он писал: «То, что я вам послал, составляет лишь крошечную часть вороха, накопленного временем и погибшего по воле судьбы... Принявшись как-то в сумерках разбирать свои бумаги, я уничтожил большую часть моих поэтических упражнений и заметил это лишь много спустя».

Отправленные другу стихи Тютчева попали в руки издателя «Современника». Один из очевидцев вспоминал, «в какой восторг пришёл Пушкин, когда он в первый раз увидел собрание рукописное его стихов. Он носился с ними целую неделю».

Восторг Пушкина был деятельным — появление каждого нового имени поэт и редактор воспринимал как личную радость. Он решил печатать неизвестного поэта. Цензура придирается — Пушкин бьётся за каждую строчку, как за свою собственную, даже ещё ожесточённой: ведь живущий в Мюнхене автор не может защитить себя. И всё-таки два четверостишия из стихотворения «Не то, что мните вы, природа...»

были цензурой вычеркнуты. Вычеркнуты — и потеряны для читателей навсегда: рукопись существовала в единственном экземпляре.

И вот в 1836 году в литературной судьбе Тютчева наступил перелом: под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии» в III и IV томах «Современника» были напечатаны 24 произведения — почти целая книжка. Подписаны они были одними только инициалами: Ф. Т. Теперь все они без исключения — классика русской поэзии. И открыл их нам Пушкин.

Через два десятка лет Иван Сергеевич Тургенев, перечисляя наиболее яркие поэтические имена современности, особенно выделил имя Тютчева — «одного из самых замечательных поэтов, как бы завещанных нам приветом и одобрением Пушкина».

Воронежский мещанин

Сохранилась картина неизвестного художника под названием «В кабинете Жуковского». Написана она рукой не вполне умелой, пропорции фигур несколько несоразмерны, перспектива искажена. Но тем сильнее наивное очарование старательно написанных лиц. Диван. Облокотившись на его спинку, стоит, полуобернувшись, Гоголь. Задумчиво сидят на диване Одоевский, автор известных повестей и сказок, и тучный баснописец Крылов. За их спинами — внимательное лицо Пушкина. В центре комнаты, держась за лац-

кан своего длиннополого сюртука, устремил взгляд в неведомую нам даль густоволосый молодой человек. Во всей его фигуре заметно напряжение. Ещё бы — он тут среди самых прославленных литераторов России; от него ждут стихов, а чем может удивить и восхитить их воронежский мещанин Алексей Кольцов, сын торговца скотом, прасола, и сам прасол, окончивший полтора класса уездного училища? Что он прочтёт им? Может быть, вот это:

*Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется...*

Строчки эти теперь известны всем: они стали народной песней, как и многие другие кольцовские стихи. Впервые же «Урожай» был опубликован во II номере «Современника». Публикация была замечена. Стихотворение дышало степью, неиссякаемым жизнелюбием и тоской одинокой души.

Судьба Алексея Васильевича Кольцова была трудна и драматична. В родном доме, в захолустном Воронеже его не понимал никто. Его душа требовала поэзии, жизнь и обстоятельства заставляли заниматься вещами куда как прозаическими. Рядом со стихами и песнями, мыслями о литературе, записями о прочитанном в его бумагах мелькает: «Сало продали 11 руб. 25 коп. за пуд, кожу бычью — 13 руб., говядину обрезную продаём по 2 руб. 50 коп.». Какая уж тут поэзия! И всё же...

«Бывало летом, в степи, особен-

но по вечерам, при солнечном закате, уже смеркаться начнёт, а он, сердечный, и ну писать, и ну писать, — рассказывал историку приказчик кольцовского отца. — Я его — Алексей Васильич! Алексей Васильич! Куда тебе, не слышит, глядит, как истукан. В ту пору совсем чужаком глядел». А рождались в ту пору под пером «чужака» «Песня пахаря» и «Русская песня» — жемчужины его творчества, которые, по словам Тургенева, «будут жить, пока жив русский язык».

И тем дороже для Кольцова была поддержка столичных литераторов, особенно — Пушкина, перед которым он преклонялся: «Если литература дала мне что-нибудь, то именно вот что: я видел Пушкина...»

Знакомство их, продолжавшееся два года, было оборвано смертью. Неподдельное горе звучит в письме Кольцова: «Слепая судьба! Разве у нас мало мерзавцев? Разве, кроме Пушкина, тебе нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинец передать?»

Он считал, что гибель Пушкина — это закат солнца на небосклоне русской поэзии. Действительно, январь 1837 года стал страшной вестью: раньше было — при Пушкине, теперь стало — после него.

Но остановиться литература не могла, слишком сильный толчок она получила при его жизни. Продолжали писать Жуковский и Вяземский, Тютчев и Кольцов. «Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта...» — писал один из современников.

Новый поэт

Пушкин и Лермонтов... Эти имена стоят в нашем сознании рядом. С них мы начинаем список писателей, составивших славу русской литературы.

Оба они родились в Москве. От места, где родился Пушкин, до места рождения Лермонтова — минут десять неспешного шага. Судьба словно нарочно хотела пересечь их пути.

Весной 1836 года корнет Лермонтов, вернувшись из Тархан, поселился в доме князя Шаховского, против пожарной каланчи (сейчас это — Садовая, 61). Камер-юнкер Пушкин жил в это время в доме, знакомом в наши дни любому, — на Мойке, 12. Прогулка не из далёких. И всё-таки они не встречались ни разу, знакомы не были.

Понятно, как много имя Пушкина говорило Лермонтову. А слышали о Лермонтове Пушкин? К тому времени молодой поэт опубликовал всего лишь одно произведение, практически не замеченное публикой, и известен был только узкому кругу знакомых. Но, может быть, — и Пушкину? Ведь в редакционном портфеле «Современника» лежало стихотворение, которое Лермонтова прославит. Однако до его публика-

ции оставался почти целый год. До гибели Пушкина — вдвое меньше.

Вечером 27 января 1837 года стало известно о трагической дуэли великого сына России Пушкина и Дантеса, приёмного сына голландского посланника. В 2 часа 45 минут пополудни 29 января Пушкин умер. Перестали вывешиваться рукописные листки, составлявшиеся Жуковским, — бюллетени о состоянии здоровья раненого поэта. Но начали распространяться списки стихотворения «Смерть Поэта», написанного Лермонтовым.

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!

Они произвели небывалое впечатление. Вот этого как раз правительство и не хотело. Корнет Лермонтов за сочинение непозволительных стихов был сослан в действующую Кавказскую армию.

Он был уже в Пятигорске, когда 2 мая в столице вышел очередной том «Современника». В оглавлении значилось: «Бородино». Сочинение Михаила Лермонтова.

Пушкин благословлял нового поэта на служение России.

Продолжал жить и «Современник». После смерти Александра Сергеевича его составляли и издавали друзья Пушкина — Плетнёв, Жуковский, Вяземский.

Прошли годы. Редактором «Современника» стал Николай Алексеевич Некрасов. Эстафета перешла к новому поколению.

Тридцать лет журнал, меняясь вместе со временем, был современником русских читателей, — живой, овеянный славой Пушкина.

Набросок портрета

(К 50-летию Виктора
Александровича СОСНОРЫ)

...Много раз спрашивала я, показывая его фотографии разным людям:

— Что вы можете сказать о его занятиях?

Ответы были одинаковы:

— Поэт.

— Музыкант.

— Художник.

И вдруг однажды:

— Пришелец!

Ну и ну! Это сказал писатель-фантаст. Видно, что-то отвечающее его собственным раздумьям, собственному поиску увидел он в лице поэта.

В 1961 году друг Маяковского поэт Николай Асеев писал о Сосноре академику Д. С. Лихачёву: «Я рекомендую его Вам не как подражателя, а как открывателя совмещения в стихе древнего с сегодняшним, вводящим в словарь темы древности, смелые говорные термины и интонации... от которых должны прийти в ужас пунктуальные слововеды... А именно в том-то и прелесть этих стихов...».

Виктор Соснора...

Само его сонорное имя кажется мне произведением искусства. Само его лицо, про которое одна девочка сказала потрясённо: «Какое старинное лицо!» — в равной мере принадлежит и прошлому и будущему.

Это лицо с флорентийских портретов, это лицо инопланетянина...

Виктора Соснору в Москве, в Новосибирске, в Париже слушали с таким изумлением, словно и впрямь он был пришелец — древний Боян, ступивший на сцену современного дворца-стадиона.

*В печи до самой полночи
рычало пламя пылкое.
Мальчишка встал тихонечко
и сел в куток с сопилкою.
И заиграл о Загорье,
о загорелых ратниках,
о тропах, что зигзагами
уводят в горы раненых...*

...У «мальчика-Бояна» детство Сосноры.

Война. Кубань. Гестапо, где его, семилетнего, пугают пыткой. Партизанский отряд, где командиром — его дядя. Расстрел отряда. За полчаса до расстрела Соснора был ранен в голову осколком мины, его сочли мёртвым...

«Казнь Бояна» будет написана через пятнадцать лет. Она могла остаться ненаписанной, если бы не пёкло кубанского солнца, не ужас той, другой казни, увиденной сквозь кровь, заливающую лицо...

Я выкрал у стражи

Бояновы гусли и перстень...

«Слово о полку Игореве», великая поэма нашей древности, была

для Сосноры букварём и учебником жизни. То, что иные нерадивые школяры тоскливо бубнят, прячась за спины соседей, чтобы учитель не вызвал, для него всегда жило, дышало, прорастало в родственные языки и времена, в крутые круги истории.

Вот строки его перевода «Слова о полку Игореве»:

*Ты, Игорь, вспылчивая голова!
Ты, Всеволод! Бог боя и стола!
Вы думали, что слава — каравай,
который получают пополам?
...А где же ваша слава? Как назад
поворотить прославленную быть?
Князя! Вы не пособники, князя!
Вы — оборотни киевской судьбы!*

Вот как пеняет Ярослав крамольным братьям за их поход.

...Человек тончайшего внутреннего слуха, Соснора, как из колодца, вытягивает из слова глубины родственных смыслов, выпрастывает потаённые стебли родства.

Всегда странно слышать, что поэт ищет тему для стихов. Разве тема — повод поэзии? Соснора мог бы повторить слова Пушкина: цель поэзии — поэзия. Что главное? Всё. Великое и малое.

*Одуванчики надели
белоснежные скафандры,
одуванчики дудели
в золочёные фанфары!
Дождевые вылезали
черви, мрачные, как маги,
одуванчики вонзали
в них свои стальные шпаги!
Паучата-хулиганы
мух в сметанницы макали,
после драки кулаками
маки мудрые махали.*

*Кем огонь луны растерзан?
Кто помирят мир бездонный,
непомерный мир растений,
темнотою загромождённый?*

Виктор Соснора непредсказуем. Каждое новое его стихотворение — новость. Он знает, что перо по белой бумаге всегда проходит, как плуг по целине. Как молния по небу. Впервые.

*Язык не бывает изучен.
Земля не бывает изъезжена.
Над нами созвездья созвучий.
Под нами соцветья черешен...*

Он не бывает завершённым. Сколько бы ни написал — впереди целая жизнь.

Татьяна Галушко

Виктор СОСНОРА

Рис. О. Филипенко

Исторические миниатюры ГОРЕЛКИ

В 1793 году Г. Р. Державин был статс-секретарём императрицы Екатерины II. Державин любил слушать и мечтал стать министром.

Царское Село. Сад. Фонтаны. Каменные фавны. Июль.

Державин вышел в сад. Императрица прогуливалась. Блестела её малиновая мантия. Блестело солнце и трава. Императрица играла с внуками: с великими князьями Александром и Константином. Екатерине было 64 года, Александру — 16, Константину — 14. Подростки были в голу-

бых мундирчиках с блестящими серебряными пуговицами. Болтались шпажки, внуки играли в «горелки» — бегали по саду.

Дети-то веселились, но Екатерина была невесела. Она присела (под дубом, попрохладнее) на бархатную персидскую табуретку. Императрица повесила седую голову (тяжёлую и в бриллиантах), призадумалась и не веселилась. Она была больна. Она пригорюнилась. На глаза нависла полунакрашенная, полуседая прядь волос.

Окружающие её придворные делали сверхчеловеческие попытки развеселить государыню. Они кривлялись и кувыркались, чепуха, её состояние оставалось по-прежнему — меланхолическое.

Державина попросили, и он присоединился. Он стал играть с двумя великими князьями в «горелки» — бегать. И вот Александр и Константин, хохоча, побежали по лугу. Они бежали что есть духу, их голубые мундирчики совсем растворялись в голубом воздухе, мелькали только пуговицы на фалдах. Державин — за ними! Но на лугу попадались ямки, трава-то сухая, но скользкая, а Державин уже тяжёл и стар.

Этот бешеный бег закончился плачевно.

Державин споткнулся, опрокинулся и упал у пруда, где плавали королевские карпы, и видно было, как они тихонько плавают.

Державин писал о себе: «Он так сильно ударился о землю, что сделался бледен, как мертвец. Он вывихнул в плече левую руку. Великие князья подбежали к нему и, подняв едва живого, отнесли в кабинет».

Державин писал дальше: «Сей столь непредвиденный неприятный случай был и политическим падением автора, ибо в сие время вошёл было он в великую милость у императрицы, так что все знатнейшие люди стали ему завидовать. Но, в продолжение шести недель, на излечение его употреблённых, когда не мог он выезжать ко двору, успе-

ли его остудить у императрицы так, что появясь почувствовал он её равнодушие».

Гаврила Романович Державин родился в июле 1743 года. Этот «случай» произошёл в июле 1793 года. Так великий поэт отпраздновал своё пятидесятилетие.

Державин достоверно описывает падение у пруда, но упрощает причины своего политического падения.

Потому что:

Через шесть недель, «на излечение его употреблённых», Екатерина II поручила своему статс-секретарю дело Сутерлянда. Банкир Сутерлянд брал деньги из Государственного казначейства. Цель: пересылка денег в Англию. Во всех бухгалтериях было известно: Сутерлянд отправил в Англию 6 000 000 гульденов (2 000 000 рублей). Всё шло хорошо. До поры до времени. Английский министр финансов однажды прислал письмо Екатерине, в котором сообщал: никаких денег Англия не получала, никаких. Екатерина потребовала: Сутерлянд, переведите министру государственные деньги. Сейчас же.

Но Сутерлянд не мог. У него не осталось ни копейки. Он объявил себя банкротом.

Державин расследовал порученное ему дело и выяснил следующие любопытные подробности: «Все казнённые деньги потрачены были заимообразно по распискам и без расписок самыми знатными ближними, окружающими императрицу вель-

можами, как-то: князем Потёмкиным-Таврическим, князем Вяземским (генерал-прокурором Сената), графом Безбородко, вице-канцлером Остерманом и др., и др. Великий князь Павел Петрович (сын Екатерины и будущий император Российской империи) тоже брал в долг у Сутерлянда. Все брали и никто не возвращал».

Государыня велела поступить по законам.

Сутерлянд испугался суда. Он отравился.

Державин расследовал дело и выяснил, кто сколько брал у банкира.

«Державин входит, видит Государыню в чрезвычайном гневе, так что лицо пылает огнём, скулы трясутся. Завязанное в салфетке дело он внёс в кабинет и положил перед ЕЯ лицом».

— Докладывай! Кто воры? — воскликнула императрица.

Державин начал с Павла. Екатерина ненавидела сына за то, что по правилам престолонаследия на престоле должен быть он, а не она. Поэтому она не без удовольствия слушала о Павле, причмокивала даже. Она перебивала докладчика, восклицая:

— Мотает! Строит! Бездельник! Не знаю, что с ним и делать...

Екатерина хищно призадумалась и посмотрела на своего секретаря, ища сочувствия.

Державин промолчал. Потом опустил своё мясистое лицо, но приподнял брови, нарисованные, как у клоуна, смешно сморщился и сказал:

— Князь Потёмкин-Таврический потратил больше.

— Ну уж и больше! — рассмеялась императрица неестественно.

— В двенадцать раз больше, — невозмутимо продолжал Державин. — Потёмкин растратил 800 000 рублей — почти половину.

— Ты мне не тыкай! — вдруг взвилась Екатерина. — Потёмкин многие надобности имел по службе и нередко издерживал свои собственные деньги.

Екатерина засуетилась, взяла почему-то с мраморного столика бронзовый канделябр с тремя свечами, опустилась опять на свой белый лондонский стул и, помахивая канделябром-трезубцем, как веером, сказала:

— Ах, пустяки! Беру его долги на свой счёт.

(Потёмкин был фаворитом.)

В списке должников опять попался Павел.

— Вот видишь! — возмущилась Екатерина и направила трезубец на секретаря.

Теперь она сидела на стуле, как Посейдон, с трезубцем.

Она продолжала:

— Как видишь, сей тип всё тратит и тратит, не так ли? Это из-за него Сутерлянд отравился, а какой был банкир!

Державин, не поморщившись, сказал ледяным голосом:

— Зубов потратил больше.

Екатерина окаменела.

Зубов стал одним из любимейших фаворитов.

— Зубов потратил в четыре раза больше, — сказал Державин, не отворачиваясь.

Тогда императрица выпустила трезубец, опустила трясущуюся руку и позвонила в колокольчик. Вошёл камергер.

Старое, фарфоровое лицо государыни налилось кровью. Она молчала и тяжело дышала. Екатерина сказала камергеру:

— Присаживайся, дружок! Посиди, пожалуйста, миленький, пока ЭТОТ докладывает. Он меня чуть не избил! Он прибить меня хочет.

Державин писал:

«С сим словом она вспыхнула, раскраснелась и закричала Державину:

— Пошёл вон!»

Поэт ушёл. «В крайнем смущенье».

Дело Сутерлянда само собой прекратилось.

На следующий день Державин был уволен от должности статс-секретаря и до самой смерти Екатерины оставался одним из обыкновенных сенаторов.

ПРО ПУГАЧЁВА

СВИДЕТЕЛИ И ОЧЕВИДЦЫ:

1. Казанский губернатор генерал-аншеф фон Брандт:

«...Ростом двух аршин, четырёх с половиной вершков, от роду не более сорока лет, с приметам: волосы на голове тёмно-русые, усы и борода чёрные с сединой, от золотухи на левом виске шрам».

2. Неизвестная казачка, «Русский архив», 1902 г., т. II, стр. 658:

«...как теперь на него гляжу: мужик был плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростом не больно высок и не мал».

3. А. Т. Болотов, мемуарист, свидетель казни Пугачёва:

«...бородка небольшая, волосы всклокочены и весь вид ничего не значущий».

4. Верховланцев, полковник Пугачёва:

«...был среднего роста, корпунной, в плечах широк, смугловат, борода окладистая, глаза чёрные, большие».

5. Есаул Мелехов и хорунжий Малахов, пленники Пугачёва:

«...глаза серые с желтизной. Лицом смугло-красный, рябой. Борода небольшая и неширокая. Нос небольшой, посредине маленький бугорок, а конец его кверху загнут остро».

6. И. И. Дмитриев, поэт, свидетель казни:

«...роста среднего, лицом бледен, нос имел кругловатый. Я не заметил в лице его ничего свирепого, глаза его сверкали».

7. Пушкин в «Капитанской дочке»:

«...живые, большие глаза его так и бегали. Лицо его имело выражение приятное, но лаутовское».

8. Примечания к летописи Рыкова:

«...Роста небольшого, весьма скор на поворотах».

9. Пушкин в «Истории Пугачёвского бунта»:

«...роста среднего, смугл, худощав, борода чёрная, небольшая, клином».

10. Первая жена Пугачёва, Софья:

«...На лице жёлтые конопатины, волосы тёмно-русые».

11. Из первого дела Пугачёва:

«...ноздри рваные».

12. Из последнего дела Пугачёва:

«...ноздри нормальные».

13. Пугачёв на допросе в 1772 году:

«...мне — тридцать два года».

14. Пугачёв на допросе в 1774 году:

«...мне — сорок лет».

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ:

15. «Подлинное изображение бунтовщика и обманщика Емельки Пугачёва». Канонический портрет неизвестного автора с комментариями на немецком языке.

Портрет поясной, фас. Превосходно выписаны складки тулупа. Слева, как декорация, висит цепь, к которой прикован Пугачёв. Лицо каменное скорбное, лицо — сплошные желваки; усы и бородка подстрижены в парикмахерской, как у иноков на византийских иконах. Брови очень высоко подняты, над бровями также иконописные морщины.

Общее впечатление: азиатский пророк без возраста.

16. «Пугачёв», с гравюры, изданной за границей:

Профиль. Лицо тщательно выбрито, белое, молочное лицо, ни бороды, ни усов. На правой щеке бородавка. Щеки толстые, на щеках румянец. В треуголке, надвинутой на нос. Нос вздёрнутый, как у клоуна. Лыняные волосы завиты и сзади косица. Глазки маленькие. Нос, как наклеенный. Приблизительный возраст — 20 лет.

Общее впечатление: немецкий жонглёр, который вот-вот начнёт вертеть бессмысленной головой, так, что в воздухе перед зрителями замелькает его покрашенный красный нос.

17. «Емеля Пугачёв», Гиллерс:

Пугачёв в клетке. Во весь рост. В шубе. Стоит в клетке на одном колене. Одна рука — на колене, другой дружелюбно приветствует палача. Руки соединены цепочкой. На запястьях браслеты с гравированным узором. Лицо круглое, мясистое, пятидесятилетнее, нос большой и сплюснутый, огромные лошадиные ноздри, тяжёлые татарские веки и узенькие, заячьи глазки. Борода и усы — красные. Кисти рук, запястья — как у девушки, пальчики холеные, на ногтях маникюр.

Общее впечатление: пьяный татарский хан, попавший в клетку по собственному желанию.

18. Гравюра К. Ф. Летелье с рисунка Ж. К. Майи:

Пугачёв в профиль. Стремительное, одухотворённое лицо. Изящный длинный библейский нос и большие библейские очи, голубые. Светлая вьющаяся бородка. Светлые нежные волосы.

Общее впечатление: мыслитель, изнеженный скорбями герцог семидесяти лет.

Суммируем. Составим опись внешности Пугачёва на основании свидетельских показаний и живописных изображений современников крестьянского вождя.

Возраст — сорок лет, тридцать два, двадцать, пятьдесят, семьдесят; рост — двух аршин, четырёх с половиной вершков, не больно высок и не мал, роста небольшого, роста среднего, здоровенный, весь вид ничего не значущий;

лицо — каменное, сплошные желваки, лицом смугло-красный, рябой, лицо молочное, белое, ни одного шрама, на лице жёлтые конопатины, на левом виске шрам, лицом бледен, одухотворённое лицо, лицо мясистое, татарское, на щеках румянец;

борода — русая, тёмно-русовая, окладистая, небольшая, клином, борода и усы красные, совсем без бороды и без усов;

волосы — тёмно-русые, подстриженные в казацкий кружок, чёрные с сединой, запущенные, светлые, аристократические волосы, и лыняные с косицей;

глаза — большие, маленькие, огромные, крошечные, чёрные, серые с желтизной, голубые;

ноздри — рваные и нервные;

нос — небольшой, большой и сплюснутый, длинный, конец его остро загнут вверх, нос имел кругловатый.

Дата рождения Пугачёва до сих пор — предположительна.

Место рождения до сих пор — приблизительно.

Пугачёв был казнён в Москве в 1775 году. Нигде не похоронен.

Виктор ШУРЛЫГИН

Рис. Л. Уральской

Звёздный апрель

ВЕСНА ГРЕЛА, жужжала, пела, набухала клейкими почками. Холодная ещё синь воздуха беспредельно расширилась, наполнилась светом.

На школьном дворе стоял невообразимый гвалт — большая перемена, заглушая птичьи трели, достигла апогея.

Я сидел в классе один: в среду, 12 апреля, мне выпало очередное дежурство, к тому же в «Галактике», первом транзисторном приёмнике, собранном своими руками, что-то не контактило. Открыв коробку, я копался в схеме, пытаюсь найти неисправность «методом тыка».

Учитель математики, невысокий, в стареньком чёрном костюме, перепачканном мелом, удивительно стеснительный и рассеянный во всём, что не касалось его предмета, Анатолий Иванович Тишков, «Тишка», как называли мы его за глаза, вошёл в класс в тот момент, когда приёмник заработал на полную громкость.

— Новый сделал? — спросил «Тишка» с каким-то детским изумлением.

— Выходной каскад перепаял. По двухтактной схеме.

— Молодец! — Он взглянул на

часы. — Скоро урок, а журнала нет. Принеси, пожалуйста.

Милейший «Тишка» никогда никого не наказывал — просто вежливо напомнил про забытые обязанности дежурного.

Настроив «Галактику» на самую мощную станцию, я направился в учительскую. Из динамика звучала музыка, но неожиданно она оборвалась на полноте и наступила пауза. Потом в приёмнике щёлкнуло, и в сознание, оглушая и ошеломляя, ворвался голос Левитана:

— Работают все радиостанции Советского Союза!.. В соответствии с программой исследования космического пространства... Первый в мире... Лётчик... Майор... Гагарин Юрий Алексеевич!..

Не разбирая дороги, прыгая через пять ступеней, я пулей помчался обратно по лестнице и рванул дверь в класс.

— Что с тобой? — с тревогой спросил учитель. — Ты...

Кажется, у меня отнялись речь и ноги. С трудом сделав несколько шагов, я поставил приёмник на стол. По классу пробежал шелест, и разом наступила хрупкая тишина — слышался только ликующий голос из динамика. И вдруг, будто

сработала невидимая гигантская пружина: тишина взорвалась!

Девчонки пищали! Мальчишки колотили друг друга! Образовался какой-то вихрь — к потолку полетели учебники и тетрадки, и всё вокруг покрылось белыми хлопьями! Урок был сорван! Смеясь и что-то крича, все бросились качать «Тишку» — но тут включилась школьная радиосеть и сообщение ТАСС повторили... Боясь шелохнуться, вздохнуть, мы замерли в неестественных позах, каждый на том месте, где его вторично застало ошеломляющее известие, и «Тишка», наш милейший учитель, который мог простить всё на свете, кроме человеческой непорядочности, плохого знания математики и сорванного урока, тоже застыл у доски с мелом в поднятой правой руке и тоже внимал каждому слову диктора, впервые в жизни забыв про свои формулы.

А потом, в новой, строгой тишине, резко опустив правую руку на доску и стремительно кроша мел, стал писать неизвестные нам равенства, знаки, уравнения...

— Вот,— сказал, обернувшись просветлённым лицом к классу,— вот математическое обоснование космического полёта. Самая суть. Дерзновенный гений всего человечества стоит за этим стартом. Дорога открыта! Вам, ребята, лететь на Марс, осваивать планеты Солнечной системы!

— У-р-а-а! — дружно завопили мы, и новый вихрь восторга захлестнул школу.

В тот солнечный апрель, двадцать пять лет назад, мы окончательно и бесповоротно почувствовали себя ЗЕМЛЯНАМИ.

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ нашего послевоенного поколения знали о Гагарине всё. Абсолютно всё. Рост 166. Вес 60. Пульс — 64. Давление 115 на 75. Мастерски играет в волейбол, баскетбол, хоккей, футбол! Занимается гимнастикой! Кистевой эспандер выжимает 200 раз! На перекладине подтягивается 40 раз! С отличием закончил семь классов Люберецкой средней школы рабочей молодёжи! С отличии-

ПРОЧИ
ЭТУ
КНИГУ

Тщательно выутюженная белая рубаха висит на спинке стула. Ботинки, купленные ещё до войны в Гжатске, надраены до блеска. В пузатый портфель с вечера уложены букварь, тетради в косую линейку и пенал с карандашами. Семилетний Юра Гагарин собирается 1 сентября идти в первый класс.

Но невесёлым получился тот первый сентябрь. Шёл 1941 год, к деревне Клушино, где жила в те годы семья Гагариных, подходили немцы. Правда, уроки в тот сентябрьский день состоялись, но когда шли ребята из школы,

то увидели, как упал в болото подбитый немцами краснозвёздный истребитель. Ватага школьников, среди них был и Юра Гагарин, бросилась к самолёту. Лётчик был жив.

— Вы ранены, дядя!

— Ступню разбил при посадке. Как тебя зовут, малыш!

— Юра.

— Ну что ж, Юра, давай руку. Познакомимся. Я — Ларцев.

В это время над селом пролетал другой наш самолёт, заметил подбитого товарища, закружил...

Ларцев поднял Юру на руки, снял кепку с его головы, стал ею махать.

Второй истребитель сел благополучно. И пока лётчики не улетели, Юра ни на шаг не отходил от Ларцева, ловил каждое сказанное им слово.

— Хочешь в кабину! — спросил его лётчик.

Юра побледнел от волнения, только и вымолвил:

— Ага.

Ларцев поднял его с земли, усадил в кресло пилота, показал приборы.

— Только ничего не трогай. А то улетишь невзначай. Лови тогда!

ем — только с отличием! — ремесленное училище! С отличием — Саратовский индустриальный техникум! С отличием — аэроклуб! С отличием — Оренбургское военное авиационное училище! Работал литейщиком: руки мозолистые, в формовочной земле, суёт запястье, когда здороваются; став лётчиком, охранял рубежи Родины. Основные черты характера: беззаветный патриотизм и любознательность, неиссякаемый оптимизм, аккуратность, обязательность, трудолюбие, выдержка, простота, скромность, огромное мужество, негибаемая воля, честность, большая человеческая надёжность, теплота, внимательность к окружающим людям.

Но самым главным для нас, пожалуй, было то, что Гагарин, наш Гагарин, пришёл на космодром из такого же босоногого детства, какое выпало на нашу долю. Как и мы, «гардеробов» не имел — одни штаны на все случаи жизни, две рубахи, фуфайка, пара башмаков. Как и мы, таскал окуней из деревенской речки. Знал голодуху. Жил

в землянке. Пас коров. Помогал отцу, матери поднимать своё Клушино из руин.

Он был одним из нас. Частичкой каждого. И всеми одновременно.

Вырезая из газет его портреты и наклеивая их на стены тесных комнат, мы ощущали свою сопричастность к подвигу. И не только историческую, но и самую наипрямейшую.

ЕЩЁ ЗА ТРИ с лишним года до старта — раньше всех учёных, конструкторов — мы знали твёрдо: человек полетит! На советском корабле! Никто из взрослых, кроме участкового милиционера дяди Вани, даже не думал, что такое возможно, а мы знали. Но молчали — дядя Ваня взял с каждого подписку о неразглашении. Чтоб «контра недобитая» не пронюхала.

— Всё будет без обмана, — говорил он в первый же вечер нашего с ним знакомства, с трудом собрав нас на выгоне. — Космонавт свой па-

ВАЛЕНТИН ГАГАРИН

...Вскоре после своего полёта в космос Юрий Алексеевич Гагарин получил из города Горького письмо. Автором письма оказался бывший воен-

ный лётчик Ларцев. Он писал, что хорошо помнит сентябрьский день сорок первого года, когда сделал вынужденную посадку близ села Клушина, помнит клушинских мальчишек, Юру. Он сообщил, что второй лётчик, его товарищ, погиб в воздушной схватке с фашистами... «Мне верилось, что из мальчика по имени Юра вырастет лётчик, но о космосе мы, пилоты тех лет, в сороковые годы только мечтать могли».

Мы пересказали только один эпизод из повести Валентина Гагарина «Мой брат Юрий».

Книг о первом космонавте Земли Юрии Алексеевиче Гагарине написано много. Но повесть, которую предлагает тебе прочитать «Искорка», — особенная. Она прежде всего замечательна тем, что в ней подробно рассказывается о детстве и юности Юры Гагарина, о том времени, о тех условиях, в которых он рос, в которых развивался и мужал его характер.

И ещё: книга написана с большой любовью к Юрию Гагарину. Иначе и быть не могло. Ведь её писал старший брат Юрия — Валентин Алексеевич Гагарин.

рень. Полетает, посмотрит. А вернётся — начнёт отбирать в отряд молодёжь. Вы, понятно, тоже сунетесь. Да куда с вашими-то грехами! И на порог не пустят!

— Ладно, — сказал Пыша. — Политграмоты не надо. Встречаемся завтра.

На следующий день, нагруженные свёртками и тяжёлыми солдатскими вещмешками, поодиночке, огородами, пробирались мы к месту встречи.

Пышу я увидел издалека.

На перекрёстке двух дорог, покрытых густой коричневой пылью, стояла низенькая хата под соломенной крышей, обнесённая покосившимся плетнём-забором. У плетня, на углу, торчала из земли невзорвавшаяся бомба. За день солнце нагрело бомбу, и Витька, по прозвищу Пыша, устроившись у ржавого массивного корпуса, грел спину на плоскостях стабилизатора. Босые, в ссадинах, ноги покоились на зелёном патронном ящике. Рядом, извлечённые из ящика, лежали: семь новеньких, в смазке, пулемётных лент; плоский фашистский штык с чёрной костяной рукояткой; жёлтая блестящая гильза от снаряда.

Свернув с дороги, я остановился перед несметными сокровищами. Потом решительно полез за пазуху и, ощущая приятный холодок металла, достал и положил к патронному ящику: вполне приличный немецкий «Вальтер» без обоймы и затвора; двадцать девять гильз от автомата ППШ; гранату «лимонку».

И тоже, как Пыша, прислонился спиной к тёплому корпусу бомбы и вытянул вперёд босые ноги.

— Наплюй, не жалея, — сказал Пыша, не поворачивая головы. — Войны теперь всё равно не будет.

— Не будет, — согласился я, разглядывая трофеи, собранные на полях сражений. — Теперь, гады, не посмеют.

В тот осенний день оружейный арсенал, лежащий у наших ног, можно было обменять на что угодно. На белые парусиновые туфли — мечту всех шкетов. На несколько

сочных початков варёной кукурузы. На банку керосина. На тёплый танкистский шлем. Ещё недавно, до запуска первого спутника и до встречи с милиционером дядей Ваней, не было силы, которая заставила бы нас разоружиться. Скучные облавы, регулярно проводимые общественностью, нервные предложения директора школы «добровольно сдать оружие», порки слабыми руками постаревших матерей — всё переносилось нами как неизбежная необходимость, со спокойным мужеством.

Не могли мы, не имели права оставаться безоружными.

Из-за той проклятой войны наши матери и бабки всё ещё вздрагивали при раскатах грома и некрасиво втягивали головы в плечи. Наши табели об успеваемости и похвальные грамоты лежали вперемешку с похоронками и треугольниками солдатских писем от отцов, братьев, дедов, которых мы знали только по жёлтым фотографиям на стене. Не было двора, улицы, дома, где не побывало бы военное лихо. И даже те, кто остался в живых, несли отметины той проклятой.

У Витьки-Пыши отцу осколок снаряда ударил в голову, и на приплюснутом черепе зияла, как воронка, огромная вмятина. Отец Саши Ярового, дядя Вася, лучший столяр в округе, хромал, мучался простреленными ногами. У моей мамы, молодой, весёлой, красивой, усталый хирург не сумел достать из плеча крохотный осколок, и через пять лет после войны она умерла от фронтового ранения... Скрипучие инвалидные коляски с безрукими и безногими сопровождали по улицам наше детство. Руины ещё не восстановленных заводов и траншеи, не успевшие зарости травой, были нашими «детскими площадками», а игрушками — немецкие «шмайсеры», каски, пустые гильзы. И мы — единственные во многих семьях «мужики» — никак не могли допустить, чтобы этот кошмар повторился.

Едва оперившись, мальчишки с

нашей улицы создали партизанский отряд — на случай, если «гады» сунутся ещё раз».

Чтобы всё было по уставу, выбрали командира и комиссара. Составили карты местности, секретные схемы. В пещерах тайно заложили две базы, основную и запасную — патроны, гранаты, жмых, сухари, бинты, йод, зелёнка. Отрабатывали приёмы ближнего боя, вечерами, у бомбы, обсуждали в деталях дерзкие операции по уничтожению живой силы и техники противника. И, наконец, готовые ко всяким неожиданностям, землёй своей поклялись защищать Родину до последней капли крови, умереть, но не выдать врагу имена товарищей...

И вдруг — спутник!

Первый!

Наш!

Советский!

И тут оказалось, что готовиться нужно не к войне, а к миру.

— Дураки вы, — популярно объяснял милиционер дядя Ваня. — На рукотворную звёздочку каждую ночь глазееете, сигналы слушаете, от восторга орёте, а того не знаете, что скоро человек полетит. И к старту его загодя готовиться надо. Книжки все перечитать надо, Циолковского. Без Циолковского цена вам — грош-копейка. А вы со своими пушками по округе носитесь, людей пугаете. Не одобрит космонавт такого поведения, нет, не одобрит. Он-то сам почище вашего

мог арсенальчик иметь. Да о другом думал. Как человечество объединить, чтоб сообща к звёздам двинуть. А вы...

Как выяснилось, дядя Ваня изучил всю фантастику, чтобы не упасть в глазах ПЕРВОГО, и знал уйму удивительных вещей: и про каналы на Марсе, и про планету Фазтон, и про древнюю цивилизацию Атлантиду, и про Тунгусский метеорит, и про другие галактики. И вот, греясь у бомбы, мы с нетерпением поглядывали на дорогу, откуда должен был появиться дядя Ваня.

— Я теперь успеваемость и поведение исправлять думаю, — сказал Пыша. — А потом в космонавты подамся. Вот батя удивится! Только смотри не сболтни никому!

— Слово.

Поодиночке к бомбе подходили другие мальчишки с нашей улицы, молча складывали к патронному ящику трофеи. Гора ржавых стволов и прикладов высилась у наших ног, когда за углом раздался скрип и сначала появилась тележка, а затем худой долговязый мужчина в галифе и милицейской форме. Тележка была нагружена доверху, но наши взгляды лишь скользнули по ней, а затем, вспыхнув, впились в рубашку. На груди дяди Вани в два ряда сверкали ордена и медали!

— Ух ты! — вскочил Пыша. — Три «Красные Звезды»! Почище Героя!

И тут что-то невероятное случилось с нами. Не разбирая дороги, мы бросились и облепили долговязого мужчину, стараясь протиснуться к нему поближе. «А эта медаль за что? А орден?..»

— Не всегда же я милиционером был, — сказал дядя Ваня. — Я фронтовым разведчиком был. Пришлось на брюхе проползти от Кубани до Берлина. Но про это — потом. А сначала сделаем нашу мему. Чтоб всё честно и без обиды. Как договорились.

Он снял старое покрывало с тележки, и мы увидели библиотеку!

Всё дальнейшее напоминало сон.

— «Аэлита». Алексей Толстой, — дядя Ваня поднял над головой книгу.

— «Вальтер»! — сорвавшимся голосом крикнул я.

— Не тянет.

— «Вальтер», «лимонка», двадцать девять патронов от ППШ.

— Держи. И береги.

— «Война миров». Герберт Уэллс.

— Противотанковое ружьё! Три снаряда!

— Мало.

— Противотанковое ружьё! Три снаряда! Ну, нету у меня ничего больше!

— Ладно, — сказал дядя Ваня. —

«Голова профессора Доуэля». Александр Беляев.

— Наган! В смазке! Одиннадцать патронов! Штык! Каска! Две обоймы от ТТ!

И ВОТ НАЧАЛАСЬ космическая эра.

Всё, что обещал фронтовой разведчик дядя Ваня, — свершилось.

Гагарин, наш Гагарин, полетел в космос! И мы были необыкновенно горды, что готовили его старт загодя.

Вот почему мы знали о нём всё, или почти всё, что можно было узнать. Несколько лет мы дышали с ним одним воздухом планеты Земля. Совершали те же путешествия, какие совершал он. Смеялись, когда смеялся он, и печалились, когда он печалился. Вместе с ним провозжали к звёздам новые корабли. Вместе с ним встречали друзей, вернувшихся из звёздных далей. Мы хотели хоть немножечко быть похожими на него.

Имея глубокую внутреннюю связь с лучшими чертами своего народа, с обществом, его взрастившим, Гагарин стал символом мужества, подвига.

Он — бессмертен!

Сегодня — двадцать пятая весна его бессмертия.

ИСКОРКУ

СПРАШИВАЮТ —

ЗА СТЕКЛОМ АКВАРИУМА —
АМАЗОНКА

Нет, речь идёт не об экзотическом аквариуме, находящемся где-нибудь в тропиках, в низовьях или верховьях Амазонки. Речь — о Ленинграде и о ле-

«Я хочу разводить рыбок. Что делать? Купить в магазине рыбок и аквариум? Или идти на рынок — там их тоже продают... И ещё мама говорит, что с ними много хлопот и опять всё ей придётся делать. Или я сам сумею справиться?»

Женя Т., ученик 4-го класса».

нинградской воде, которая по своему составу, оказывается, весьма напоминает воду знаменитой Амазонки — реки Южной Америки. А это значит...

— Это значит, — сказал корреспонденту «Искорки» председатель Ленинградского клуба аквариумистов Сергей Владимирович Даль, прочитав письмо четвероклассника Жени Т., — что в наших условиях можно держать дома много видов тропических рыб. Они

прекрасно себя чувствуют в ленинградских аквариумах. За исключением, пожалуй, африканских цихлид, дискусов и ещё нескольких видов.

— А в других городах, Сергей Владимирович, как же? — удивился корреспондент. — Ведь там вода... ну, не из Амазонки...

— Конечно, вода всюду разная. В Москве, например, состав воды меняется в зависимости от района города. Но любители аквариумов не отчаиваются. Специально готовят воду, отстаивают, подогревают, вводят в неё различные добавки. В общем, дел, или, как сказала мама вашего читателя — «хлопот», хватает. Так что завести рыб дома — дело не менее ответственное, чем завести собаку или птичек. Рыбки ведь тоже существа живые, хоть и «хладнокровные». И характер у каждого вида свой. Больших рыб можно по повадкам даже друг от друга отличить...

— Выходит, мама нашего читателя права, и опять все дела лягут на неё?

— Ну уж это, — сказал Сергей Владимирович, — просто несерьёзно. Если десятилетний человек хочет завести рыбок, то и заниматься ими — ему. Только ему самому. Я вот в одиннадцать лет рыбками «заболел». И ничего — справился. Двадцать лет занимаюсь аквариумом. Ни разу не раскаялся. Да разве я один? В нашем клубе 76 любителей аквариумистов. Стаж увлечения у всех разный, но забот своих они никому на плечи не перекладывают. И ребята, которые к нам ходят, тоже всё сами хотят и понять, и сделать.

— А с каких лет вы принимаете в свой клуб?

— В юношескую секцию — с десяти. Ребята собираются во Дворце культуры имени Ленсовета на Кировском, 42, в комнате 309 два раза в неделю — по вторникам и пятницам, в 17 часов. А членский билет мы выдаём с шестнадцати...

— А чем ребята занимаются? Ведь дрессировать своих питомцев им учиться не надо?

— Это верно, а вот самим учиться — есть чему. Какой аквариум выбрать? Как в нём менять воду? Чем рыб кормить? Как лечить, если заболеют...

— Так это, выходит, целая наука?

— И не одна. Аквариум — это и зоология, и ботаника (водоросли ведь

тоже подобрать нужно), и специальная отрасль биологии, которая занимается рыбами — ихтиология. Только все эти знания — не только теоретические. Если завёл рыбок, то уж изволь и мастерить уметь, и убирать за собой, и кормом запастись. Рыбки всему научат.

— А каких рыбок всё-таки заводить лучше?

— Это дело вкуса. Только вот наших обычных, пресноводных рыб держать не советую. Для их содержания нужно создать естественную среду, а охладить воду в аквариуме до температуры воды в реках и озёрах гораздо труднее, чем подогреть её до температуры, к которой привыкли тропические рыбы.

— А где покупать рыбок?

— Можно в магазине, можно на Калининском рынке. Здесь советы давать трудно. А вот какой лучше завести аквариум для начала — скажу. Больше всего подойдёт обычный комнатный аквариум на 35—40 литров. Круглые аквариумы приобретать не советую. Места много занимают, да и чистить их неудобно.

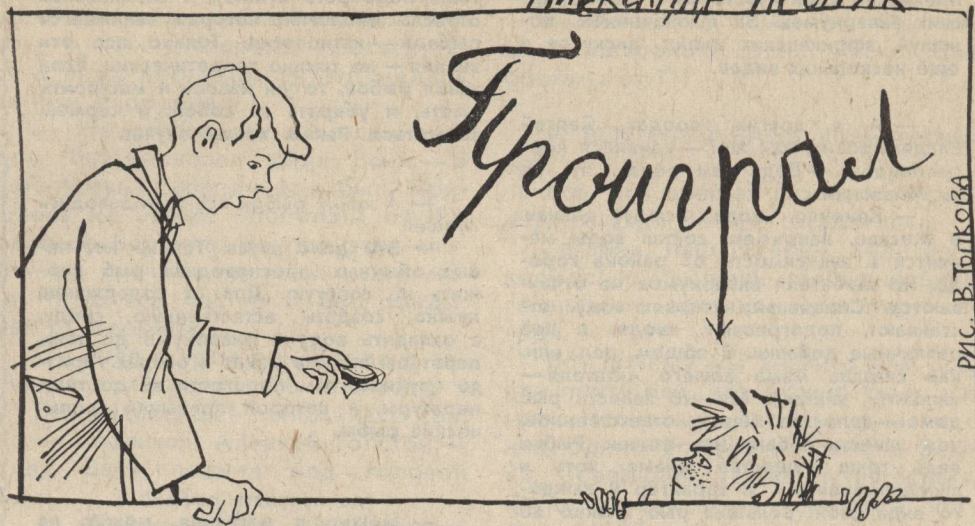
— Сергей Владимирович, у «Искорки» много подписчиков неленинградцев. Если им понадобится совет, куда обращаться?

— К нам в клуб. Всегда рады помочь. У нас и книги есть, и на конкретные вопросы ответить готовы. Запишите адрес, чтобы не забыть: 197022, Ленинград, Кировский пр., 42. Дворец культуры имени Ленсовета. Ленинградский городской клуб аквариумистов.

— Спасибо. И на прощание ещё один вопрос. Выставки цветов и птиц в Ленинграде проводятся постоянно, а где можно увидеть рыбок?

— Только у нас во Дворце в Зелёной гостинной. Здесь экспозиция постоянная. Правда, надеемся, что у клуба будет своё помещение и тогда мы сможем проводить и сменные тематические выставки разных видов рыб. Увлечение увлечением, а аквариумисты могут приносить и реальную пользу. В аквариуме можно сохранить или возродить какой-то вид рыб, которому грозит уничтожение, приспособить какой-то вид к иным условиям существования. Ведь недаром работает наш клуб при Всесоюзном обществе охраны природы.

Интервью взяла
О. Кустова

Он глядел на меня из урны, строго хмурясь. А я только и хотел, что бумагу от бутерброда в урну выбросить!

— Ты что? Ты чего там?!

— Проиграл.

— Что проиграл?

— Точнее, выиграл.

— Что выиграл?

— Ну, что буду в урне сидеть. Всю большую перемену.

— А во что играли-то?

— Да так... Какая разница? Раз уж проиграл.

— В столовку со мной хочешь? Я там очередь занял!

— Хочу!

— Ну так пойдём! А дурь свою выбрось!

— Нет. Раз проиграл, значит — проиграл. Главное — твёрдость! А дурь — это всё остальное...

— Кому проиграл-то?

Держась за урну, я стал бдитительно вглядываться в шныряющих мимо. В сторону урны никто не смотрел.

— Ты-то чего вмешиваешься? — вдруг зло спросил он. — Беги, твоя очередь пройдёт!

— Слушай, Серёгин, это не разговор... Кажется, я начинаю понимать! Слушай, я никому ни слова. Могила. Гроб! Слушай, Серёгин... Ты мне скажи как звеньевому —

может, к тебе постучалась беда? Ты, может, это, не в ту компанию попал? Азартные игры, а? — Волнуясь, перешёл я на хриплый шёпот, и всё ниже и ниже наклоняюсь к урне. — Я твой друг, я тебя выручу!

— Нет, — скорбно сказал Серёгин. — Ничего такого нет. У тебя бутерброд с чем?

Я разломил бутерброд и половину протянул Серёгину.

— О, с докторской!

Он жадно ел, глядя на меня из урны.

— Теперь-то что будет? — спросил я.

— Ничего, — сказал он, взглянув на часы. — Ещё десять минут сидеть.

Тут подошла Ирка Петухова. Всюду она свой нос суёт!

— Ой, как смешно! Ой, а почему ты там? Ой! — и ладонями себе лицо сжала так, что оно покраснело всё.

— Ну, смейся, — сказал Серёгин.

— Серёгин, выйди из урны! — это она говорит.

— И всё? — спрашивает Серёгин из урны, приподняв одну бровь и дожёвывая.

— Ты там почему? Почему? — прямо трясёт она урну. — Говори!

Я-то знаю, что она в Серёгина влюблена. Все это знают. Кроме Серёгина.

— Моя урна, в ней и сижу, — говорит Серёгин, — сам её делал.

Он не соврал. Мы эти урны фанерные на уроках труда делали. Большие, хорошие получились урны. Только некоторые чуточку кривые.

— Немедленно выходи! — шепчет Ирка, а у самой слёзы в глазах, а вокруг уже народ собирается. Даже несколько второклассников. И все смотрят на Серёгина и говорят разное, и пальцами указывают, и кричат, хохочут, приседают, и даже рожи корчат. Только второклассники стоят тихо.

— Просто проиграл человек! — объясняю я. — Ну вроде как на спор! Ему еще три минуты сидеть!

Но меня не очень-то и слушают. Тут подошла пионервожатая.

— Серёгин, выходи из урны!

— Я проиграл, должен сидеть всю перемену.

— Что? В азартные игры?!!

— Нет, зачем. В обычные... — тускло сказал он.

— А мне дела нет! — рассердилась пионервожатая. — Школа здесь, а не игорный дом! Немедленно встань!

— Не могу! Против правил это.

— Что? Ты ещё свои правила устанавливаешь? На следующей перемене к директору! Понял?

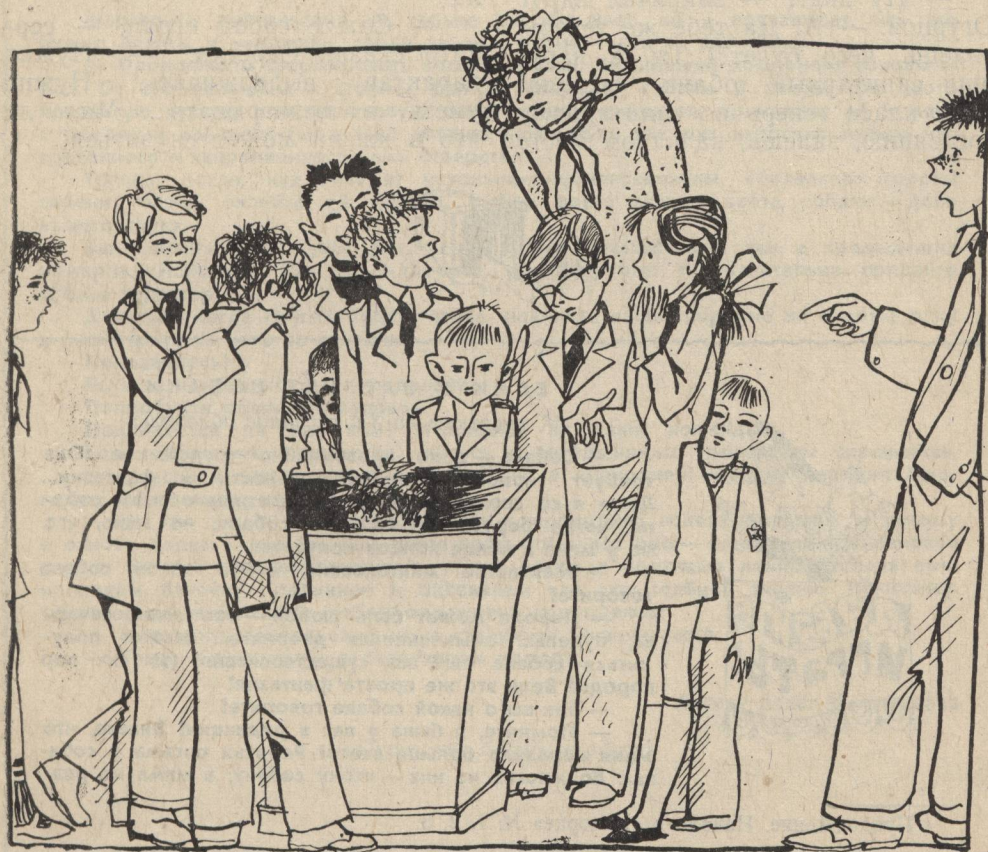
— Понял!

— Всё понял?

— Нету такого закона, чтобы ученику нельзя было в урне сидеть! Тут все засмеялись.

— Да ты прямо в какого-то хулигана превращаешься! А ещё отличник!

— Что вы на мою успеваемость всё педалируете?! — вдруг тонко

закричал Серёгин. — Вот философ Диоген сидел в бочке, и ничего! Отойдите от солнца, Софья Пантелеевна!

— Ну, хорошо!.. — ровным голосом сказала пионервожатая и ушла.

— Всё пропало! — говорю я.

— Скорей бы звонок, — сказал Серёгин, — а то ноги затекли.

Тут подошли Забойников и Огурцов. У Забойникова в руке «Преступление и наказание», и форма у него отглаженная и на все пуговицы застёгнута. А взгляд доброжелательный.

— Может, ты с ума сошёл, — говорит он твердо. — Так мы можем вызвать для тебя нашего школьного врача, Катерину Семёнову! Слышишь, Серёгин?

— Нет, — сказал Серёгин, ни на кого, даже на меня, не глядя. — Нету никакого с моей стороны безумия.

— Ну даёт! — закричал вдруг Огурцов. — А! Да тебе же теперь, знаешь, чего будет?! Ты ж нарушил санитарный облик ученика! Наш класс теперь по санитарному состоянию, знаешь, на каком месте

будет?!

— Уйдите! — тихо сказал Серёгин. — Ещё одна минута осталась.

— Нет, мы твои друзья, мы не уйдём! — ещё громче закричал Огурцов. — Друзья, поможем ему! Серёгин, друг! Это я, Огурцов! Узнаёшь меня?

— Как же тебя, Огурцов, не узнать, — сказал Серёгин. — Мы ж за одной партой сидим.

Тут несколько человек под командой Огурцова схватили урну и перевернули.

Все смеются, а Серёгин сидит посреди мусора и не двигается.

Прозвенел звонок.

— Я не виноват, — сказал Серёгин, вставая и отряхиваясь.

— Чего уставился? — спрашивает он меня. — Я своё слово сдержал.

— Кому проспорил-то? Или там проиграл? С кем игра-то была?

— Сам с собой играл, — сердито сказал Серёгин. — Нужно характер выдерживать. Нужно уметь и проигрывать... Мало ли что в жизни может случиться!

ЕСЛИ У ВАС НЕТ СОБАКИ

(К рисункам на 3-й странице обложки)

— Собака — дело чрезвычайно трудоёмкое. Она требует терпения, изобретательности и фантазии... Даже я со своим почти тридцатилетним опытом работы, когда берусь за такую собаку, не знаю, что же у меня в конце концов получится.

— Маргарита Анатольевна, вы о какой собаке говорите?

— Порода может быть любой — охотничья, овчарка, пудель... обыкновенная дворняга... Может получиться собака ещё не существовавшей до сих пор породы! Ведь это же просто фантазия!

— Так вы о какой собаке говорите?

— Помните, я была у вас в редакции! Знаете, что меня поразило больше всего! Ребячьи письма о собаках. Во многих из них — «хочу собаку, а мама не раз-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1, 2, 3.

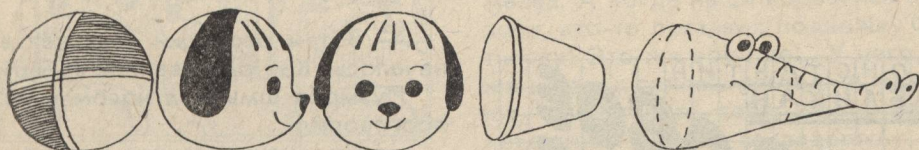
решает...». И я подумала: а что если каждый ребёнок своими руками сделает для себя собаку-друга! Такая собака — почти что живая. Она умеет ходить, умеет говорить [голосом хозяина], передними лапами выделяет такие чудеса, какие живой собаке и не снились. Словом... А сколько страниц в этом номере журнала вы мне выделяете?

— Как всегда, страничку с хвостиком.

— Мало. Впрочем, безвыходных положений не бывает. Сделаем так: сегодня я расскажу, как сделать собаке голову, а в следующем номере — про её туловище и про то, как эта собака сможет двигаться и «жить».

Должна сказать, что теперь в наших беседах в мастерской у Маргариты Анатольевны Скриповой-Ясинской принимает участие и художник Геннадий Иванович Ясинский. Его рисунки вы хорошо знаете, ведь они постоянно сопровождают наши беседы.

— Для основания головы будущей собаки лучше всего взять мяч, — начала свой рассказ-урок Маргарита Анатольевна. — Уже отслуживший своё резиновый мяч. У мяча следует аккуратно срезать верхушку, но так, чтобы в отверстие свободно проходила рука, и тут же закрепить отверстие заранее приготовленной палочкой.

Маргарита Анатольевна не только рассказывает, но и показывает, как это нужно делать, а художник, следя за ее руками, — делает зарисовки.

— Продолжаем формировать голову собаки. Важнейший компонент головы — нос. От его величины и формы зависит «порода» собаки. Я сейчас для этого использую пустую полиэтиленовую банку из-под майонеза, прикрепив её к мячу с помощью лейкопластыря. Нос должен находиться как раз напротив только что сделанного и закреплённого вами отверстия.

Теперь, когда, как говорят кукольники-профессионалы, «болванка» головы собаки готова, оклейте её тканью. Выбор цвета ткани — цвета собаки — дело вашего вкуса.

Как сделать глаза, уши, рот, усы — я уже рассказывала вам в предыдущих номерах «Искорки». Так что — творите, фантазируйте! И обязательно придайте собаке характер.

А потом, когда голова будет готова, наденьте ваше творение на правую руку и посмотрите на него со стороны.

Понравилось!

Если не понравилось — переделайте.

Попробуйте подвигать головой.

Подчиняется ли она вам? Исполняет ли ваши команды!

Если собака вас слушается, значит, с сегодняшним уроком вы справились.

— А если я захочу сделать не собаку, а крокодила! — вдруг перебил Маргариту Анатольевну художник.

— Ну что же, и это возможно. Но у крокодила голова большая, и потому в основу берём — что бы нам такое взять-то! — вот оно — старое полиэтиленовое ведро. Кладём его горизонтально, к дну ведра с помощью лейкопластыря прикрепляем баночку подлиннее и оклеиваем всё это зелёной тканью. По-моему, обязательно зелёной. Не люблю оранжевых крокодилов!

— Маргарита Анатольевна, наша страничка заканчивается.

— Тогда — до встречи в следующем номере.

Беседу ведёт К. Борисова

(Окончание беседы следует)

с её помощью прочёл в одном классе увидел смешнейший розыгрыш, а в третьем — даже целое смешнейшее представление.

Я считаю, что День смеха — это одновременно ещё и день проверки того, КАК Ты Умеешь Смеяться!

— Ну, Пузырёв,— сказала Марья Иванна,— расскажи нам про Ледовое побоище.

— А чего о нём рассказывать-то? — нехотя начал Пузырёв. — Вы же и так всё знаете.

— Что знаю? — строго спросила Марья Иванна.

— Ну, что наши победили,— сказал Пузырёв.

— Кого победили? — настойчиво переспросила Марья Иванна.

— Ну, этих... немцев. А перед ними — шведов.

Однажды я, надеюсь, уважаемый вами, Кактус, вдруг обнаружил, что солнце стало пригревать, а иголки начали быстро расти. Причём не только на мне — на кактусах, — но и на всех соседних крышах — тоже. Только иголки на крышах росли сверху вниз и были длинными и прозрачными.

Вы, конечно, догадались, что иголки на домах называются сосульками и что наступило самое весёлое время года — весна. Недаром 1 апреля — День смеха — празднуется весной, а не в какое-нибудь другое время года.

Мне очень захотелось посмотреть, как празднуют День смеха в школе напротив. Специально для этого я даже сделал из самой длинной иголки подзорную трубу и ужасно смешную стенгазету, в другом —

— Вот и расскажи нам, как всё началось? Как развивались события?

Пузырёв шмыгнул носом и вяло проговорил:

— Ну, значит, вышли на лёд наша ледовая дружина и ихняя. Они с первых же секунд попытались овладеть инициативой. Пошли в атаку.

— А наши как действовали? — спросила Марья Иванна.

— А наши действовали на контратаках,— ответил Пузырёв.

— Можно и так сказать,— сказала Марья Иванна.

Пузырёв почувствовал себя уверенней и добавил:

— Особенно выделялись своим мастерством Крутов, Макаров и Агейкин.

— А это кто ещё такие? — удивилась Марья Иванна.

— Это наши лучшие ледовые бойцы! — отчеканил Пузырёв. — С самого начала они были впереди, на острие. А когда надо, быстро откатывались назад.

— Неплохо! — сказала Марья Иванна. — Ты даже дополнительный материал выучил. Я и то про ледовых бойцов не помню.

Вдохновившись такой похвалой, Пузырёв продолжил:

— Мы избрали тактику от оборон. Нашей задачей было выманить противника на себя и прорваться к нему в тыл с флангов. И вот уже на седьмой минуте Белялетдинов вышел один на один с ихним стражем и выиграл единоборство, оказавшись проворней соперника!

Пузырёв взял мел и начертил на доске среднюю линию, заднюю линию, ворота и две стрелки.

— Молодец! — сказала Марья Иванна. — А вот ответь, пожалуйста, на такой вопрос: верно ли утверждение, что проиграли они из-за слишком тяжёлых доспехов? Что доспехи делали их неповоротливыми?

— Я думаю, Марья Иванна, доспехи не самое главное. А вот вели они себя очень грубо. Всё время толкались. Их, конечно, наказывали, но, видно, мало. И вот у наших богатырей начали появляться ссадины. А у некоторых — и шишки. Получил травму Светлов. Унесли с поля Гидаева. А когда наши ворвались в их зону, кто-то поставил подножку Фетисову! Это же вообще!.. У него даже шлем с головы слетел! А удаляют, представьте себе, опять Белялетдинова! Якобы за задержку соперника руками!

— Какие подробности! — ахнула Марья Иванна.

А Пузырёв продолжал:

— То есть с самого начала наши выходили на лёд уже в неполном составе. Но противник так и не сумел реализовать своё численное преимущество.

— А почему? — спросила Марья Иванна.

ИГОРЬ
ШЕВЧУК

ОБИДА

На одном краю света — А от края до края
Надутая Света. Не моря-океаны.
На другом краю Рая — От Светы до Раи —
Сердитая, злая. Половина дивана.

— А потому что, во-первых, они применили устаревшую тактику ведения боя, действовали слишком прямолинейно, пытаюсь просто вклиниться в наши ряды, а во-вторых, они не учли особенностей нашей ледовой площадки, на которой мы чувствовали себя легко и просто.

— А когда наступил в сражении перелом?

— Перелом, как сейчас помню, наступил, когда до конца оставалось чуть больше десяти минут. Видно было, что противник устал. Начал ошибаться. Появилась небрежность в обороне. Вот уже их защитники стали всё чаще пропускать за спину наших нападающих. Разрыв стал увеличиваться. Безусловно, большая физическая и моральная нагрузка легла на всех участников этого захватывающего зрелища. Но наши всё-таки выстояли!

— Ну, а как закончилось Ледовое побоище? — спросила Марья Иванна, раскрывая классный журнал.

— Закончилось оно очень хорошо! — сказал Пузырёв. — Наши ребята победили. Всем им вручены ценные подарки и грамоты.

— А вот здесь, Пузырёв, ты напутал. Да, возможно, о Ледовом побоище и сообщалось в берестяных грамотах, но сами грамоты никому из участников не вручали. И всё же, Пузырёв, ты заслуживаешь высокой оценки за яркий рассказ об этом знаменательном событии. Ставлю тебе пятёрку! Первую твою пятёрку по истории.

«Первая пятёрка! — пронеслось в голове Пузырёва. — Ларионов, Макаров, Крутов, Фетисов, Касатонов».

В. АЗБУКИН

ЭКЗАМЕН на Носу

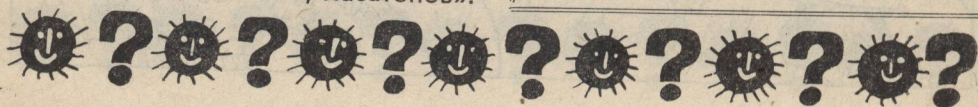
У всех испуганные лица:
сестрица может «провалиться»,
«в галошу сесть» и «в лужу сесть»,
пора сестре «из кожи лезть»,
пора «крутиться колесом»,
чтоб «не ударить в грязь лицом»,
ей «бить баклуши» «не к лицу», —
уже экзамен «на носу».
Алёнкин нос мне жаль до слёз.
А ей смешно: «Не вешай нос!»

МАРИНА
СИМОНОВА

ЛЯГУШКИНО ОБЪЯВЛЕНИЕ

Лягушка дала объявление
в газету:
«Я дачу сниму на ближайшее
лето».

Подходит для дачи
Любая квартира,
В которой всё время
Прохладно и сыро».

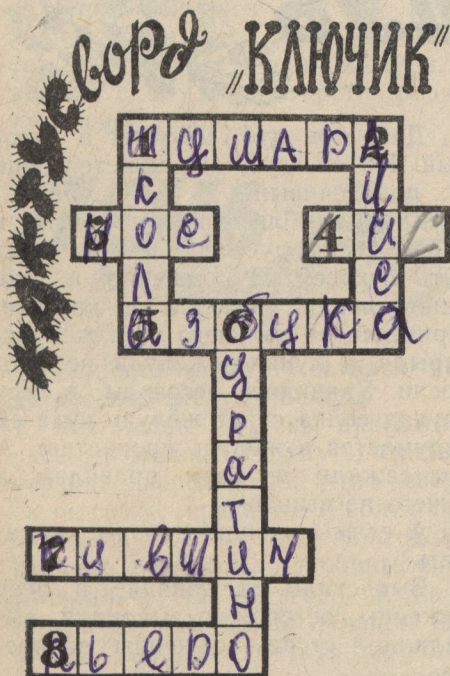
ответы на кактусворд "ЁЛКА"

Отвечая на вопросы кактусворда, некоторые читатели рассказывают, что в их школах тоже прошли карнавалы. И тоже было много путаницы из-за костюмов. Одна девочка пишет, что она надела кокошник и хотела изобразить артистку мюзик-холла, а её приняли за Снегурочку. Это помогло ей отгадать первое слово кактусворда.

Но остальные вопросы и для неё, и для других читателей оказались орешками покрупнее. Футбольные болельщики вместо одного знаменитого Пеле, пытались вписать в кактусворд весь состав команды «Зенит», включая дублёров. Трое читателей бурным обитателем тайги назвали вымершего мамонта. Вместо слова «гусар» кое-кто написал имена старших братьев и даже сестёр. Некоторые читатели заменили индийского «раджу» китайским «мандарином». Мальчика в мотоциклетных очках и шлеме многие называли «грибником». Зато в последнем слове ошибок почти не было — по шляпе, кнуту в руках и портрету рогатой коровы на майке почти все узнали «ковбоя». Некоторые даже пояснили, что это слово означает «коровий мальчик».

Первыми прислали правильные ответы Алёша Малышев [68-я школа], Иван Овчинников [232-я], Андрей Сапончик [406-я], Юля Макушенко [359-я] и Люда Дымент [481-я].

золотыми буквами. Впишите и вы это имя в колонку номер 6 сверху вниз.

ВДОЛЬ:

1. Животное, которое наш герой при знакомстве схватил за длинный тонкий хвост.
3. Заменитель авторучки, которым он собирался писать диктант.
4. Толстяк, на голову которого он свалился с обрыва.
5. Книжка с чччудными картинками, получившаяся из куртки его папы.
7. Посуда, которой он пользовался для подслушивания тайн.
8. Его друг, поэт, автор бессмертной строчки «Не боимся очень вас...»

ПОПЕРЁК:

1. Детское учреждение, в которое он помчался вприпрыжку, чтобы стать умненьким и благоразумненьким.
2. Разбойница, подговорившая его посеять монеты, чтобы самой собрать урожай.

А ТЕПЕРЬ — НОВЫЙ КАКТУСВОРД. В этом году одному очень весёлому мальчишке исполняется ровно пятьдесят лет. Его имя вписано в историю детской литературы

И СНОВА ВЕСНА...

ОСИНА

Весной все деревья в лесу голые, но нет голее дерева, чем осина! Кости да кожа, раздета до последнего листика: стоит на ветру, воздев в небо оголённые сучья, позеленевшая и в пупырышках.

Её и летом-то всю знобит, трясётся, как в лихорадке, дрожит с головы до пят, словно у неё от холода листик на листик не попадает, как у нас зуб на зуб. Ветерок чуть дохнёт, а она уже шумит, лопочет, бьётся, словно на неё ливень обрушился. Другие деревья и веткой не шевельнут, а осина трясётся, дрожит и колотится.

Стоять под ней и то зябко! Такая она вся холодная, свежая, сверкающая. И тени под ней толкутся и скачут, словно водяная рябь на холодном ветру. Самое пугливое и зябкое наше дерево. Знай дрожит и трясётся, как... лист осиновый!

ДУБ

Дуб есть дуб: могучий и суровый. Но он, дуб, оказывается, ещё и... привязчивый!

Задумали лесоводы посадить в голой степи дубраву, чтобы укротить суховеи. Ну, конечно, и тень живительная, свежесть и красота. Привезли из дальнего леса жёлуди, зарыли в лунки — жёлуди не проросли. Удивились лесоводы: в лесу глупая сойка сунет жёлудь куда ей вздумается и жёлудь прорастает. А тут сажали по всем правилам, а ничего не вышло!

А если саженцы дубовые посадить?

Вырастили на делянке в лесу саженцы, осторожно, выкопали, высадили в степи — саженцы захирели.

Может, им в степи слишком сухо, не хватает дождей? Стали саженцы поливать, обихаживать, — молодые дубки опять завяли.

Может, после тенистого леса не перенести им горячего степного

солнца? Прикрыли саженцы — саженцы всё равно не прижились.

Наверное, нежные саженцы глушат свирепые степные сорняки? Выпололи сорняки, выдрали бурьян — саженцы снова погибли!

Как в сказке прямо: Дед бил-бил — не разбил, Баба била-била — не разбила...

На счастье, прибежала «мышка», — осенила лесоводов мысль: а что, если?..

Так и сделали.

Снова привезли из далёкой дубравы жёлуди, снова для них лунки вырыли, и попросту, по-соечьи, рассовали по ним жёлуди. Вот тут-то «яичко» и расколосось: жёлуди проросли! Потому проросли, что на этот раз в каждую лунку вместе с желудями положили и горсть земли — из той самой дубравы, где жёлуди эти выросли!

Поднялись дубки: крепкие, красивые, стройные. А потом и зашумела дубрава, заслонила посевы от суховея. Поднялся дубовый лес — величественный и могучий. Как и тот, из которого брали жёлуди. А вместе с ними — и горсти родной им лесной земли...

ПЕнь

Спилили берёзу — остался пенёк да россыпь жёлтых опилок.

Всю осень на пенёк присаживались грибники: отдохнуть, грибы в корзинке переложить, чтоб сверху были самые красивые. Ребята принимались считать на пне годовые кольца. Досчитав до дюжины, очень удивлялись, что все года их жизни можно на пне одним пальцем прикрыть! Дальше считать им было лень, и они, галдя и размахивая корзинками, мчались в лес.

Зимой пенёк из кресла для отдыха превратился в обеденный столик. Белка на нём шелушила шишки. К весне скопилось на нём грудка иззубренных стерженьков и гор-

сти чешуек, похожих на створки ракушек.

А весной пенёк вдруг ожил и закипел!

Корни погнали сок наверх, и он хлынул из перерезанных жилок. На мокрый пенёк сразу же сбежались голодные муравьи, слетелись весенние мухи и бабочки — пить целебные соки. И стал пенёк чем-то вроде павильона «Соки-воды».

Но сколько соку могут выпить все эти насекомые?! А корни гонят и гонят сок, ведь корни не знают, что берёзы-то уже нет давно, что её распилили и сожгли. Сок переливался теперь через край и, если случались заморозки, — замерзал большими сосульками. На радость ребятам, бегущим в школу. Для них пенёк был вроде лотка с бесплатными леденцами.

Но вот окончательно потеплело, заморозков не стало, и сок на пне порозовел, запузырился и прокис. На хмельное липкое сусло слетались теперь мохнатые ночные бабочки и пировали до утра.

Много лет был пенёк надёжным убежищем. Под корой скрывались жуки-пауки, муравьи-древоточцы прогрызли в сердцевине извилистые ходы, в норках под пнём прятались ящерицы, землеройки. А снаружи пенёк превратился в оранжерею: разрослись на нём пышные мхи и лишайники, а вокруг закустилась брусника.

Пенёк дряхлел. Берёста на нём свернулась в рулоны, козырьками — в несколько этажей! — выросли трутовики. А когда трутовики засохли — пенёк облепили опята. Не пенёк, а букет грибов!

Весной набрёл на тухлявый пень голодный медведь, посопел, поскрёб пень когтями и разворотил его в клочья. Что-то под ним нашёл, чмокал, фыркал, чавкал. И ушёл, оставив от пня труху да мочало.

Но это была не последняя служба пня!

Подошла летом к трухе рябенькая тетёрка, осмотрелась, присела и давай порхаться, взбивая крыльями пыль. И до тех пор ходила к ройке-ванночке, пока не разбросала в ней всю труху. Это и была последняя служба пня, ничего от него не осталось.

Нет, ещё не последняя!

Точно на это место упало семечко от соседней берёзы и проросло. И высунулся из земли росточек и стал расти.

И всё началось сначала...

ВЕСНИЧКА

Весничку, как и весну, ждёшь с нетерпением: скорей бы зелёная дымка, ивовые золотые барашки и пичужка росточком с берёзовый лист, но с такой милой песенкой.

Песенка её хоть и звучная, но чуточку грустная. Это не ядрёные выкрики зяблика-драчуна, не хо-

лодные хлёсткие посвисты соловья-зазнайки. В песне веснички — весеннее журчание ручья и негромкие свисты весеннего ветра.

Но встретишь весной весничку, обрадуешься и... скоро перестанешь замечать! Вернее, и видишь и слышишь её, но она уже не так привлекает внимание: отвлекают тебя птицы более красочные и голосистые.

Но потом, к осени, непременно жалеешь, что отвлекался, не наглядываясь на весничку досыта, не наслушался в запас. И тебе уже не хватает её, и начинаешь скучать, и снова ждёшь и торопишь весну.

...И снова весна, и дымка берёз, и первая весничка! И первая песня её, свитая из журчания ручья и посвистов ветра. И снова теряется она в торопливой череде весенних событий. И снова потом жалеешь, что не насмотрелся и не наслушался на всю зиму. И снова ждёшь...

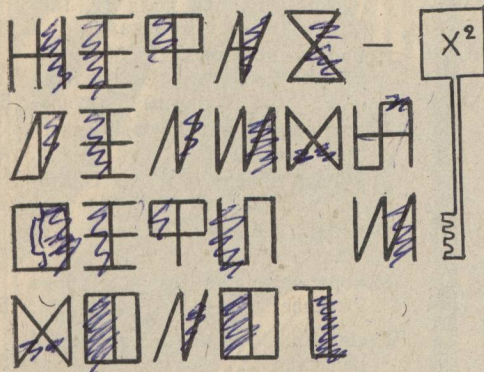
Рис. Л. Московского

Между читателями, решившими наибольшее число заданий, опубликованных в этом номере, будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 июня.

ШИФРОГРАММА

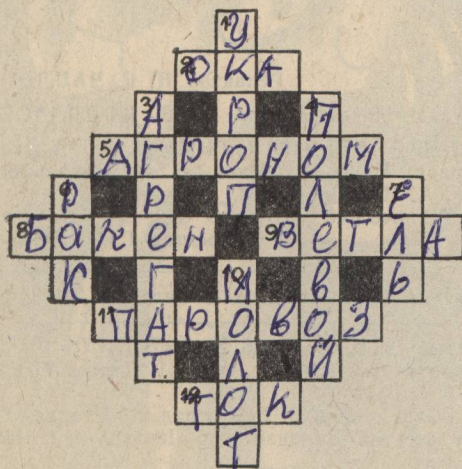
С помощью ключа расшифруйте значки и прочтите строку из стихотворения о советском гербе. Кто автор стихотворения? (4 очка).

КРОССВОРД

Составила Алёна Тенюшко
(1-я всеволожская школа)

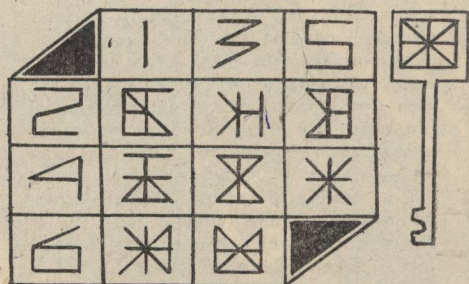
По горизонтали: 2. Левый приток Ангары. 5. Сельская специальность. 8. Установленный на якорь плавающий знак. 9. Дерево рода ивовых. 11. Средство передвижения с паровым двигателем. 12. Место для молотбы.

По вертикали: 1. Растительная приправа к пище. 3. Узел машины, выполняющий определённые функции. 4. Советский писатель. 6. Зодиакальное созвездие. 7. Хвойное дерево. 11. Инструмент кузнеца. (4 очка).

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Составил Венья Иванов
(404-я школа)

1. 9. 7. 5. 3. 7. 3. 5. 9.

Расшифруйте с помощью ключа загадочные значки, а затем способом сложения прочтите название профессии, появившейся недавно (4 очка).

МИКРОРЕБУС

новая профессия

Прочтите название города Ленинградской области (2 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ
(Ответы к «Искорке» № 2)

КРИПТОГРАММА

1. Родина. 2. Бег. 3. Сети. 4. Сера.
5. Шпат. 6. Емеля. «Партия—бессмер-
тие нашего дела».

ВЗГЛЯНИ НА КАРТУ

Атлантический.

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Бега. 2. Нева. 3. Сена. 4. Весы.
5. Герб. 6. Ревю. 7. Брем. 8. Трюк.
9. Мера. 10. Репа. 11. Трап. 12. Корт.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Сила слова в правде».

КТО ПОБЕДИЛ?

Сотни читателей прислали заявки
на участие в конкурсе «Страна род-
ная». Все они приняты в конкурс.

Между приславшими правильные
ответы на все задания, опубликован-
ные в «Искорке» № 1, был разыгран
приз. Он достался ученице 5-6 клас-
са 92-й школы Ане Новак.

Конкурс «Страна родная» отли-
чается ото всех предыдущих тем,
что в нём введены ещё и поощри-
тельные призы — за хорошо оформ-
ленные ответы и дополнительные
сведения к ним (допустим, к сло-
вам, входящим в кроссворд). На
этот раз такие поощрительные призы
(весёлые книжечки в конверте с по-
желанием дальнейших успехов) вы-
сланы Артуру Голубеву (5-в класс,
470-я школа), Наташе Жеваго (6-а,
136-я), Светлане Макаровой (7-б,
Дружнотгорская), Маше Ратниковой
(5-б, 52-я), Вике Романовой (3-б,
518-я), Андрею Трофимову (6-в, 23-я)
и Виталию Ягнёнкову (6-б класс,
89-я школа).

СОДЕРЖАНИЕ

«Жить нужно — с увлечением!» Очерк А. Томилина	1
Небесный гость. Окончание фан- тастической повести Алек- сандра Беляева	7
Стихотворения Сергея Каширина	18
Именем закона!.. Какие бывают законы. Рассказ Олега Дани- лова	21
Ленивый Бину. Сказка Риммы Баранниковой по мотивам ин- дийского фольклора	29
Оглавление с комментарием. Очерк Николая Голя (К 150- летию «Современника»)	34
Набросок портрета (К 50-летию В. А. Сосноры). Вступитель- ное слово Татьяны Галушко	39
Исторические миниатюры Викто- ра Сосноры	40
Звёздный апрель. Рассказ Викто- ра Шурлыгина	45
Искорка советует: Прочти эту книгу	46
Искорку спрашивают — Искорка отвечает	50
Проиграл. Рассказ Александра Лесняка	52
Кактус	56
И снова весна... Миниатюры о природе Николая Сладкова	60
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й и 2-й страницах обложки
рисунки учащихся ленинградской го-
родской художественной школы

На 3-й странице обложки рису-
нок Г. Ясинского «Сделай сам!»

На 4-й странице обложки рису-
нок Л. Московского «Аквариум»

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков,
Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский,
В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая.
Корректор С. В. Петрова

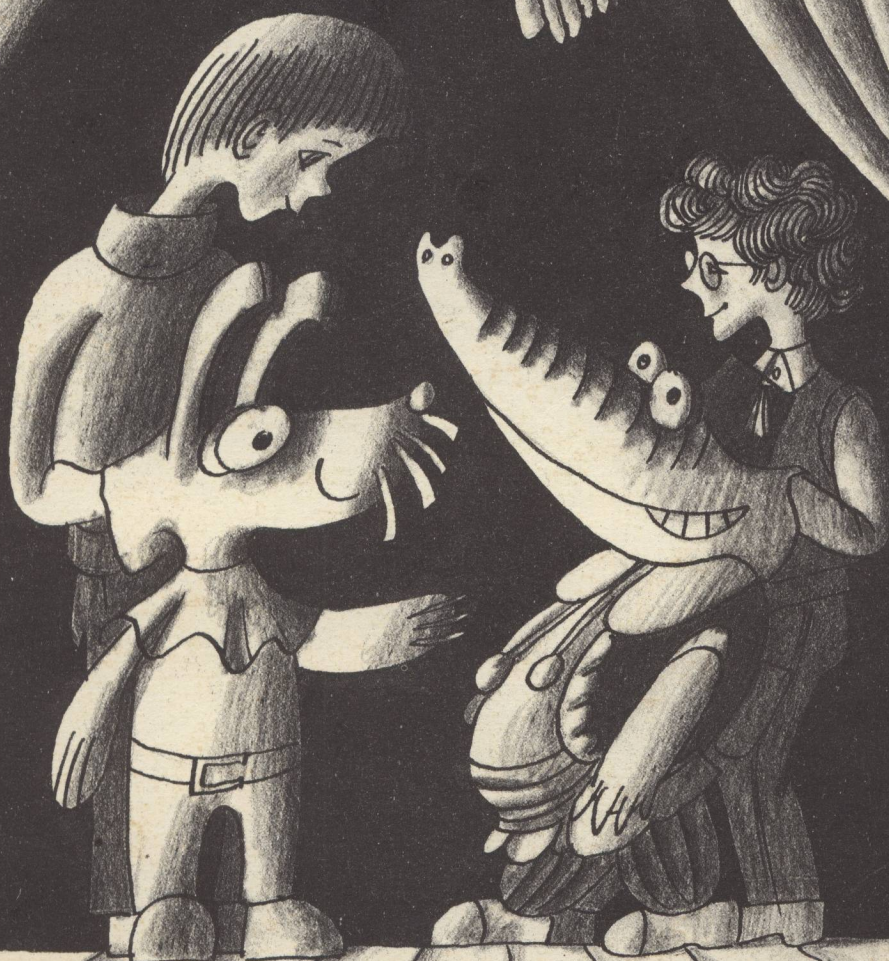
Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон 212-87-55.

Сдано в набор 03.03.86. Подписано к печати 16.04.86. М-29612. Формат 70×108^{1/16}.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,61. Тираж 60 000.
Заказ № 377. Цена 20 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 57.

давайте
играть!

сделаи сам-сделаи сам

сделаи сам-сделаи сам

